[Polaris]

ИНТЕРВЬЮ

О МОРСКОМ ЗМЕЕ

Забытая палеонтологическая фантастика

Том XII

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXCIV

Salamandra P.V.V.

ИНТЕРВЬЮ О МОРСКОМ ЗМЕЕ

Забытая палеонтологическая фантастика

Том XII

Составление и комментарии
М. Фоменко

Salamandra P.V.V.

Интервью о морском змее. Сост. и прим. М. Фоменко (Забытая палеонтологическая фантастика. Том XII). – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2017. – 154 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CXCIV).

Палеонтологическая фантастика – это затерянные миры, населенные динозаврами и далекими предками современного человека. Это – захватывающие путешествия сквозь бездны времени и встречи с допотопными чудовищами, чудом дожившими до наших времен. Это – повествования о первобытных людях и жизни созданий, миллионы лет назад превратившихся в ископаемые...

Антология «Интервью о морском змее» продолжает в серии «Polaris» ряд публикаций забытой палеонтологической фантастики. В книгу вошли произведения советских фантастов, написанные в 1920-х – 1940-х гг.: «Интервью о морском змее» С. Колбасьева, «Морской змей мистера Уолша» Э. Батенина, «Путешествие внутрь Земли» Л. Опочининой и «Необыкновенное приключение Кима» К. Скалона. Большая часть этих произведений переиздается впервые. В издании сохранены оригинальные иллюстрации, составляющие неотъемлемую часть первых публикаций.

© Authors, estate, 2017
© M. Fomenko, состав, комментарии, 2017
© Salamandra P.V.V., оформление, 2017

ИНТЕРВЬЮ
О МОРСКОМ ЗМЕЕ

Сергей Колбасьев

ИНТЕРВЬЮ О МОРСКОМ ЗМЕЕ

Рис. Н. Кочергина

Ознакомившись с помещенным в 21-22 номере вашего журнала очерком о морском змее, я счел своевременным передать вам имеющиеся в моем распоряжении материалы по этому вопросу[1].

О морском змее я говорил, конечно, со старым моряком. Он был с рыжей бородой и прокуренной трубкой, — словом, такой, какой полагается для роли рассказчика морских историй.

Приведенные им научные мотивировки выглядели вполне убедительно. Как полагается, он окутался табачным дымом и сказал:

— Морской змей? Знаю. Сам видел. — Подумав, добавил: — До завтрака. — «До завтрака» на его языке означало: в бесспорно трезвом состоянии.

— Стояли мы у одного из островков севернее Борнео в хорошей бухточке.

---

[1] Речь идет об очерке С. Ефимова «Морские змеи» в № 21-22 журнала «Вокруг света» (Л.) за 1930 г. См. приложение к настоящему изданию (*Прим. изд.*).

Ему очень не хочется выглядеть выдумщиком. Поэтому он напирает на точность и подробность описания. Говорит чрезвычайно осторожно.

— Бухта почти круглая, с узким входом. В двадцати-тридцати шагах от берега — сплошной лес. Понятно?

Я соглашаюсь, что понятно, и он продолжает:

— Мы стоим на берегу прямо против входа в бухту. Нас — пять человек различного возраста, но отнюдь не склонных к галлюцинациям, и вот что мы видим: из-за деревьев левого берега в море появляется предмет вроде телеграфного столба, наклоненного под углом в сорок пять градусов. На конце он снабжен не то набалдашником, не то треугольной головкой. Он быстро движется вправо и через полторы-две минуты исчезает за лесом противоположной косы. Вот все... Понятно?

Этот вопрос звучит почти вызывающе.

— Совершено понятно! — успокаиваю я. — Вполне отчетливо, но слишком схематично. Давай подробности. Какого он был цвета? Какой величины?

— Подробностей у него не было. Он был совсем гладким. Цвет тускло-серый, а насчет размеров утверждать ничего не буду. Расстояние до него было неизвестно и мы могли только гадать. Гадали, конечно, по-разному. Молодые настаивали на двухстах футах, я больше чем на восемьдесят не соглашался... Впрочем, много о нем не говорили. Не хотелось.

— Еще бы хотелось, — соглашаюсь я. — Перетрусили?

Он пожимает плечами и нарочито медленно раскуривает трубку.

— Ты не понимаешь. Он даже в наклонном положении был выше береговых пальм. Молча появился и молча исчез. Конечно, страшно... Это все. Врать не собираюсь... Впрочем, расскажу еще. — И, поискав с чего начать, говорит: — Я был в Стокгольме, знаешь?

При тамошнем французском посольстве был некий капитан второго ранга. Звали его не то Деларош, не то Делакруа и в свое время он командовал канонеркой в Сайгоне. Там он и налетел на морского змея, с виду такого же, как мой. Увидел его в каком-то проливе и попробовал пресле-

довать, но не смог. Команда у него почти полностью была туземная. Европейцы не любят климата. Дохнут. Так вот эта самая команда забастовала. В полном составе полегла на животы, закрыла головы и запела. Змей оказался ихним богом.

Я не удивлен. Подобные рассказы всегда кончаются ничем. Если бы француз змея пристрелил, он должен был бы представить хоть маленький кусок его шкуры. Нужно дать змею уйти, нужно придумать средство остановить канонерку, и средство придумывается:

—Хорошо рассуждаешь, —улыбается он снисходительно. —Придумать можно что угодно, только морского змея придумывать не приходится... Сергея Захарыча помнишь?

Покойный Сергей Захарович Б. был самым легендарным из всех российских капитанов двадцатого века. Такого забыть нельзя.

Он плавал вахтенным начальником на «Наварине» и однажды в Тихом океане, снаружи Японии, сразу после утренней приборки справа по носу увидел морского змея. Не то, чтобы очень большого, но во всяком случае, не ниже труб. Срочно вызвал командира и попросил разрешения выстрелить в змея из пушки. Командир, не помню, как его звали, —ни за что! «Не разрешу, —говорит. —Во-первых, нельзя снаряды тратить, а во-вторых,—ну его ко всем чертям. Еще полезет на броненосец»... Так и отпустили змея... И между прочим, правильно сделали. Стрелять по нему в самом деле не к чему. Он сам издыхает на поверхности, а потом все равно тонет.

—Жизнь и привычки морского змея? —говорю я. —Неизданное сочинение Брема?

—Неостроумно, —отвечает он. —Слушай! Есть у меня приятель-швед. Ученый и работает в библиотеке Упсальского университета. Я познакомился с ним в том же Стокгольме и как-то рассказал ему о змее. На следующий же день он заявился ко мне с каким-то зоологом. Тот сперва записал мои показания, а потом вынул альбом. «Такой?» —спрашивает и показывает серию портретов моего змея... Портреты, конечно, приблизительные. Только карандаш-

ные контуры, однако на иных зарисовках змей около самой воды расширяется, как будто шея кончается плечами... Потом показал карту: красным обозначены места, где наблюдался змей — все у Зондского архипелага, Японии, Алеутских островов. Понимаешь, что это значит? Не понимаешь? А вот это — вулканическое кольцо Тихого океана. Змей — животное исключительно глубоководное и на поверхность попадает только в результате каких-нибудь подводных извержений, которые выбрасывают его наверх. От резкой перемены давления он, конечно, дохнет, а подохнув, сразу тонет, потому что тело его имеет большую плотность.

— Благоразумно тонущее вещественное доказательство! — говорю я, но он не замечает.

— Зоолог этим змеем занимается всерьез, но материал поступает туго. В прежнее времена змея видели чаще.

— Люди были более или менее испорчены, крепче верили в бога и змея. Так?

Он совершенно спокоен:

— Нет, не так. Проще: тогда было больше парусников.

— Скучное плавание? Больше потребление рома?

— Места нахождения змея лежат в стороне от пароходных линий, а парусники шатаются более или менее повсюду... Он читал мне показания различных очевидцев. Если убрать прикрасы и ужасы, то получается примерно одно и то же: огромный зверь, видимо, слепой, иной раз бросается прямо на скалы.

— Жаль, что он там не остается.

— Конечно, жаль... Зверь, а не змей. Я оговорился не случайно. Зоолог считает пририсованные на уровне воды плечи более чем вероятными. Иначе шея с головой не могла бы так высоко торчать, не стояла бы под таким крутым углом. Следовательно, получается зверь с туловищем и длинной змеевидной шеей. Может быть, вроде плезиозавра. Слепой, потом у что в его глубоководной жизни зрение все равно не нужно.

Я долго вспоминал и наконец вспомнил:

— Кто-то из вас начитался Киплинга, — ты или твой зоолог. Как раз у Киплинга морские змеи сделаны плезиозаврами и слепыми, выбрасываются на поверхность каким-то подводным вулканом и сразу же дохнут.

— Правильно... Но заметь: таким же изображен змей и у де-Вэр Стэкпула.

— Что же это доказывает?

Он пожимает плечами:

— Ничего особенного. Просто то, что английские писатели обычно знают свой материал.

Читатель, не прими моего друга — старого моряка за вымышленное лицо. Он существует в действительности и живет в Ленинграде, на улице Некрасова. За все сведения о морском змее отвечает он, а не я.

Эразм Батенин

МОРСКОЙ ЗМЕЙ МИСТЕРА УОЛША

Вып. 1. Ц. 60 к.

АВАНТЮРНЫЕ РАССКАЗЫ

ЭР. БАТЕНИ

ПОСЛЕДНИЙ ПАТРОН
МОРСКОЙ ЗМЕЙ

«Когда автор рассказывает истину, ему не следует превращать свой рассказ в игрушку с сюрпризами».

Бальзак. История тринадцати.

— Фрак! Фрак! Иначе я вас не впущу, мистер Уолш. Ведь вы в Европе! Впрочем, вы можете надеть и смокинг...

Когда стихли эти насмешливые восклицания, я расслышал ответное бормотание, в котором было скрыто, — мне так показалось, — смущение и послушание еще не совсем прирученного зверя. Слов я не разобрал, но произнесены они были по-русски с сильной американской акцентацией.

Немного погодя, в купе протиснулась массивная фигура моего спутника по дороге Москва-Берлин. Я уже знал, что фамилия его Уолш, что зовут его Чарли, что он мультимиллионер и что он влюблен.

Уолш виновато взглянул на меня и, протянув могучую руку к вагонной сетке, снял с нее большой саквояж черной лакированной кожи, обвитый ремнями, и так снял, словно в нем ничего не было.

Раскрывая его, он чуть покраснел. Лицо его изображало досаду.

—Очень капризная дама, сэр, —словно извиняясь, сказал он, глядя как-то вбок своими голубыми выпуклыми глазами.. И замолчал, роясь в вещах.

— Вы говорите про нашу соседку? —спросил я скорее для того, чтобы продолжить разговор,— я почувствовал к Уолшу симпатию в первый же момент нашего недавнего знакомства, — чем заинтересовавшись происшествием, которое ввергло американца в такое смущение.

—Про нее... — ответил он, чуть вздохнув.

—Вы давно ее знаете?

—О, да! Девять недель.

На мой вопросительный взгляд Уолш добавил без всякого недовольства:

—Самому умному человеку достаточно и одной недели знакомства с ней, чтобы безнадежно поглупеть на всю жизнь.

—Любовь?.. —задал я вопрос, стараясь вежливостью тона сгладить всю его неловкость.

—Хуже, —ответил он мрачно, разглядывая вынутый из саквояжа фрак, слегка крутившийся на его поднятом пальце, похожем на кран грузоподъемника.

Я сразу не понял, что он хотел этим сказать и замолчал, задумавшись о том, что может быть для мужчины хуже, чем любовь к капризной женщине?

—В ее глазах всегда холод... —сказал он тихо.

Эти слова вывели меня из задумчивости. Я утешил его мало подходящей к случаю сентенцией.

—Глаза —зеркала, в них только чужие отражения..

—Простите, сэр. Я должен буду переодеться.

Я покосился на человека, раздраженным тоном извинявшегося за то, что он должен был снять удобный дорожный костюм и надеть фрак в совершенно неурочное время, в совершенно неподходящем месте, и занялся чтением.

Но вы знаете, что такое купленный наспех для вагонного чтения роман. Из него все время выпадали плохо сброшюрованные листы, — в конце концов все они перемешались, и я окончательно потерял нить повествования. Я отложил роман в сторону и взялся за книжку своего любимого литературно-художественного журнала «Красное северное сияние», в котором на этот раз меня заинтересовала статья «О ловле сельди по мурманскому способу». К сожалению, я слишком поздно обратил внимание на стихи Джиги Клеточкина, сурово призывавшего

«Уйти от ржавых книг к простым сердцам...»

Я послушался поэта, и взгляд мой снова упал на Уолша.

Было время, когда я вращался в хорошем обществе и вполне усвоил то, что подразумевается под «хорошей манерой» человека, конечно, не смешивая ее с так называемыми «хорошими манерами». Да. Я-то уж знаю, что это не одно и то же. Поэтому я был крайне удивлен, увидев среди бела дня человека безусловно хорошей манеры, нарушившего все законы хороших манер: мистер Уолш стоял передо мной в светло-серых брюках в полоску, срезанном белом жилете и фраке. Я давно не видал фрака, но сразу же понял всю фальшь такого туалета.

—Он плохо кончил, когда разорился, —проговорил вдруг Уолш.

Я сделал вопросительное лицо.

—Я говорю про молодого Блистона. Он был моим давнишним другом, даже компаньоном одно время... Впоследствии, когда его дела стали совсем плохи, он поступил к Силли —лучшему портному Нью-Йорка, чтобы шить без подчеркнутости. Он знал в этом толк, и Силли это оценил.

—Без подчеркнутости? —переспросил я.

— О, европейское влияние заметно в Соединенных Штатах прежде всего в области туалета. Не только американки, но ни один уважающий себя американец не станет оригинальничать в этом вопросе.

— Однако! — невольно вырвалось у меня при виде его удивительного простодушия, — вы сами-то, по видимому, предпочитаете законодательствовать, а не подчиняться традиции?

Уолш самодовольно улыбнулся.

— Это вы насчет отворотов? — он самодовольно дотронулся до лацканов фрака. — Дело в том, сэр, что у нас строго отличают статских от военных. Я — полковник, я хочу сказать, что я служил добровольцем. Носить на фраке отвороты смокинга — моя привилегия после мировой войны.

— И при фраке серые брюки? — спросил я чудака, в котором так странно сочеталась глупость лощеного европейца-бездельника с умом прожженного американского дельца.

Уолш посмотрел на свои ноги и схватился за голову.

— Я потерял с ней остатки здравого смысла! — воскликнул он горестно.

Пока фрак менялся на смокинг, а я раздумывал о стабилизации фрачных отворотов, знакомый серебряный голос звонко раздался в наших ушах. Несомненно, для Уолша он прозвучал особенно мелодично.

— Мистер Уолш, вы готовы?

Я ответил за него:

— Нолли! Мы вас ждем к себе, иначе туалет мистера Уолш растянется еще на добрых полчаса.

— Пусть он идет, как есть. Я буду кормить его с рук...

Уолш расхохотался.

— Вот видите! Для Нолли наш вагон — маленький зверинец!

Нолли я знал давно.

Конечно, это была опасная женщина. Прежде всего она была опасна тем, что всегда играла.

Но игра эта так въелась в ее существо актрисы, — на сцене она была пять лет, — что казалась органически с ним слитой.

Носила ли она маску? Не думаю. Диапазон ее настроения, всегда отраженного на лице, был так велик, что измерить его колебания хотя бы на протяжении одного часа не представлялось никакой возможности.

В двенадцать лет она сводила с ума гувернантку, в четырнадцать — двоюродного брата, в шестнадцать она приступила к тому, что сейчас, на тридцать первом году своей жизни, называлось ею «тренировкой», от чего сходили с ума все, кто имел неосторожность подойти к ней на слишком близкое расстояние. В сущности говоря, победой похвалиться не мог никто, но тренировки этой было так много, что бактерии сплетни находили пищу для размножения и размножались так, что имя «Нолли» вызывало снисходительную улыбку у безвременно угасших сердец и гримасу у тех, кто считал ее самой страшной конкуренткой в призе элегантности и красоты. Ее одаренности после «Разбойницы» никто, впрочем, не отрицал.

Но бесцельно описывать женщину. Женщина утром — одна, ночью другая, и утра и ночи у ней не бывают схожи. Возьмем наудачу какую-нибудь внешнюю черту женщины. Скажем — рост.

Ну, что можно сказать о росте Нолли? Если ее измерить сантиметром — она будет считаться, пожалуй, маленькой женщиной. Когда Нолли стоит рядом с Уолшем — совершенно очевидно, что она крохотное создание. Между тем сама по себе она не производила такого впечатления, со сцены же казалась прямо большой. Я так и не разгадал секрета этого явления, может быть он был скрыт в той изумительной гармонии, которой дышало все ее тело во всяких положениях, особенно же в движении. Ее волосы, например, были определенно плохи. Ей приходилось частенько вынимать тончайшие черепаховые шпильки и за-

кручивать косичку узлом над своим чудесным затылком.

— Они вылезли у меня не от старости, — говорила она при этом, — хотя тридцать один год — не шутка.

Но кто на это обращал внимание! Когда она остриглась по-мужски, как того потребовала мода, соперничавшая с ней в капризах, то не стала от этого лучше, но не стала и хуже. Прямо удивительно, как все шло к этому существу, обладавшему, казалось, секретом вечной юности. Все же я слышал однажды, как пристала она к Уолшу с требованием достать ей тертой кожи гиппопотама — лучшего, как ей сказали, средства для сохранения цвета лица.

Бедный Уолш, кажется, телеграфировал об этом к себе в Америку.

Но что мне нравилось в Нолли больше всего, — так это, не скрою, ее уши. Я твердо уверен, что осмотр человека следует, вообще говоря, начинать именно с ушей.

Как бы ни были вы влюблены в женщину — не спешите. Разглядите ее уши, — они могут иной раз с первого вашего взгляда вернуть вам хладнокровие. Не делайте ошибки, успокаивая себя тем, что это мелочь!

Уши! Вот где вы видите женщину всю, целиком, нагую. Проверьте меня на любой женщине. Они все время закрывали свои уши! Они приучили мужчин не обращать внимания на эту важнейшую часть своего тела.

Пишут, например: «В ее фигуре чувствовался спокойный вызов»... Или что-нибудь в этом роде. Следовало бы писать уточненно: «Спокойный вызов чувствовался в ее ушах»...

Но я уклонился в сторону. Это бывает всегда, когда делу помешает женщина.

Не успели мы с Уолшем войти в купе Нолли, как она заставила американца поднять вверх палец, намотала на него прядь своих волос и приказала сидеть молча, «пока они не высохнут».

— Хотя всю ночь. Я мыла голову, — строго произнесла она, оглядывая, к моему удивлению, с головы до ног не его, а меня.

Осмотр, по-видимому, доставил ей удовольствие.

Уолш это заметил, но добродушие его было, кажется, безгранично.

— Чарли, — сказала она, — мне всегда с вами скучно, хотя вы и внушаете страх... Молчите, говорю вам, — прикрикнула она на разинувшего было рот Уолша.

— Нолли, почему вы так жестоко обращаетесь с мистером Уолшем? — задал я вопрос.

— О! — быстро начала она скороговоркой, — во-первых, он капиталист. Терпеть их не могу: в них нет никакого зажигания! Кроме того, он дурно обращается с неграми...

— У меня нет негров-служа...

В тот же момент рот Уолша был заткнут маленьким комком ее носового платка.

— Вы были на стороне южан! — произнесла она безапелляционным тоном.

Бедному Уолшу так и не пришлось объяснить, что она ошибается на добрых полвека.

— Скажите, — обратилась Нолли ко мне, — может ли мешать жизни двух людей, которые любят друг друга, разница в их политических взглядах?

Уолш пытался освободиться от своей душистой затычки, чтобы ей ответить, но он успел только кивнуть в знак отрицания головой, как она сама освободила его.

— Ну?

— Нет.

— Да.

Эти ответы вырвались у нас одновременно.

— Для вас же хуже, если вы так думаете, — проговорила она серьезно, в упор смотря на великана.

Уолш принялся горячо отстаивать свое мнение. Нолли внимательно слушала.

Когда Уолш кончил, она неторопливо произнесла:

— Я только тогда могу играть, если у меня установилось на сцене интеллектуальное общение с партнером. Оно так слаживает игру! А в жизни ведь это еще нужней.

Я поддержал Нолли. Но Уолш крепко стоял на своем.

— Есть и эмоциональная связь, — этим все начинается, с этим все и кончается, — утверждал он.

Она парировала его слова совсем по-женски:

— Эмоциональная связь? Конечно, я, например, боюсь, когда вы до меня дотрагиваетесь. Я испытываю около вас холод, словно я попадаю в сырую тень после жаркого солнца.

— Пожалуй, это — хороший признак, — подумал я с некоторым огорчением.

— Из Берлина вы едете в Стокгольм? — задала мне вопрос Нолли. — А вы, Уолш?

Мне нужно было побывать в Берлине, в Географическом обществе, а затем ехать в Швецию, где я должен был по приглашению Стокгольмского университета прочитать несколько лекций по специальному вопросу, который я разрабатывал. Уолш ехал к Нансену по делам не то благотворительным, не то коммерческим. Он собирался вложить огромный капитал в ирригационное строительство, — в Армении, кажется.

Мы объяснили все это Нолли.

Какая-то тень прошла по ее лицу, но вскоре его озарила обычная лукавая усмешка, которая делала таким привлекательным ее рот.

— Русские женщины не придают значения деньгам, — вдруг произнесла она.

Фраза эта, ни в малейшей степени не связанная с предыдущим разговором, сама по себе вызывала протест. Но мне удалось схватить то, что заставило Нолли ее произнести в присутствии богатого иностранца, в нее влюбленного, и я промолчал.

Уолш вздохнул на этот раз особенно грузно.

— Вы вздыхаете, как испорченная фисгармония, Чарли. Лучше скажите, куда мне в вашей Европе ехать после Парижа?

— В Ниццу...

— А потом?

—Виши, Довилль, Биарриц, Сан-Себастиан...

— Ну, так я вернусь из Парижа прямо в Москву, — заявила она.

Я понял, что именно она хотела сказать этими упрямо произнесенными словами, но Уолш, расстроенный своей любовной неудачей, не понял ничего. Это было заметно по его глазам. Ей, поглощенной сценой, в ореоле начинающейся славы, было не до модных курортов, да и натура ее, в основе более глубокая, чем это казалось с первого взгляда, нуждалась не в пряной остроте летнего европейского отдыха. Уолш был для нее новым человеком, — своеобразная мощь его, будя любопытство, постепенно заполняла те трещинки ее существа, которые образуются у каждой женщины, почему-либо лишенной семьи. Отсюда проистекало то внимание, которое она ему оказывала и которое его огорчало своеобразием своей формы.

Надо сказать, что я сам когда-то был в плену у Нолли. Но однажды она коротко, но вежливо сказала:

—Я предпочитаю двух двадцатипятилетних одному пятидесятилетнему.

Мне исполнилось тогда пятьдесят три, и я не обиделся.

Доверчиво-добродушный голубоглазый американец молчал. Молчала и Нолли. Мой возраст научил меня ценить молчание, и я его не прерывал. Но когда оно все-таки прервалось — вот тут-то и началось то, о чем собственно я хочу рассказать.

— Чарли! Существуют морские змеи или нет?

Что навело ее на этот вопрос? Раскрытые ли страницы лежавшего около меня журнала со статьей о сельдях? Но изображенные там рыбы всякого вида и возраста как будто нисколько не напоминали своих далеких родственников. Или ее воображение, как в сновидении, только бессвязно играло образами? В тот момент я не мог подыскать объяснения. Оно пришло значительно позднее. Впрочем, Нолли всегда напоминала мне энциклопедический словарь: открытый на каком-нибудь слове, он логично и до конца развивает всю мысль, вложенную в это слово, и замолкает с тем, чтобы перейти к теме соседней, — соседней столько же, сколько соседствует со словом «я» — «яичница».

— Ну, Чарли, отвечайте же!

Окрик Нолли вывел меня из задумчивости.

Чарли, которому трубка в присутствии Нолли была запрещена, — папирос он не любил, — перестал двигать челюстями, словно жевавшими табак, и ответил с поспешностью, что он этого с точностью не знает, но что его самого вопрос этот занимает, можно сказать, с детских лет. Эрудиция, с какой привел он ряд фактов, меня до некоторой степени удивила.

— Во-первых, заявил он, — в столь солидном источнике, как «Известия Географического общества», заключено достоверное свидетельство одного голландского купца, что ги-

гантский морской змей был дважды замечаем в Атлантическом океане, хотя впоследствии это сообщение и пытались опровергнуть. Древний норвежский писатель Олай Магнус говорит о большом морском змее, как о явлении самом обыкновенном. Но его описанию, тело змея покрыто чешуей, он поднимает голову с двумя как уголь горящими глазами над водой, показывая гребень гривы; часто нападает на парусники у скандинавских берегов и уносит с палубы юнг. Правда, и по этому поводу имеется возражение: Гартвиг, например, со свойственной всем немцам педантичностью, проработал над вопросом двадцать лет и признал достоверным во всей этой истории только то, что какой-то норвежский юнга был однажды сброшен с палубы в море хвостом рыбы огромных размеров.

Нолли всегда любила все необыкновенное, из ряда вон выходящее. Она слушала Уолша с блестящими глазами, словно ожидая, что вот-вот он скажет ей что-то самое для нее необходимое, самое важное.

— Гренландский миссионер Эгеде, — продолжал Уолш, — описал в своем путевом журнале 1734 года под 6 июля: «Мы видели сегодня фантастически огромное, страшное до ужаса морское чудовище. Несомненно, это был морской змей. Его голова пришлась на высоте мачты, когда он поднялся из воды. На длинной острой морде виднелась пасть; кожа, покрытая чешуей, была в морщинистых складках. Когда змей погрузился в воду, он кинул спиралью вверх свой хвост». Этот рассказ зоологи приписали единогласно «разгоряченной фантазии, которую следовало бы потушить», и только один голос прозвучал иначе, — он принадлежал самому Эгеде, просившему принять во внимание, что его возраст — гарантия того, что у него давно уже все потухло, в том числе и фантазия.

При этих словах Уолша Нолли взглянула на меня и лукаво улыбнулась. Не вспомнились ли ей мои «фантазии»?

— Из ряда свидетельств первой половины XIX века — Понтоппидана, Граниуса, Маклеана, Мухея — я остановлюсь лишь на последнем, — докторальным тоном продолжал между тем повествовать Уолш. — Первые писали исключи-

тельно по слухам, Мухей же, капитан английского корабля «Дедал», лично видел морского змея в Южном океане 6 августа 1848 года под 24 градусом южной широты и 9 градусом восточной долготы. И, тем не менее, профессор Овен

на том основании, что нигде никогда не были найдены скелеты этих чудовищ, позволил себе иронически воскликнуть нечто вроде того, что легче-де доказать существование привидений! Он указывал, между прочим, будто гривой могла быть сочтена простая перистость на спине, и что главная двигательная сила плавающих заключается в зад-

них плавниках и хвосте, почему поднимаемый рыбой водоворот легко можно принять за продолжение ее тела. Во всяком случае, — говорил он, — разложившийся труп того чудовища в семнадцать метров длины, который в 1875 году видели у берегов острова Кука под стаей крикливых морских птиц, «с гривой от плеча до хвоста», принадлежал акуле неимоверной длины, — и только!

Уолш честно приводил данные за и против.

Нолли продолжала слушать рассказ, как дети сказку. Признаться, мне самому было интересно убедиться, — хотя и на несколько фантастическом примере, — в том, как осторожно наука оперирует с поставленными перед ней вопросами.

— Но недра океанов полны тайн, — думалось мне. — Они скрывают целый мир, который натуралист знает только поверхностно. Только теперь великолепные водолазные приборы с киноаппаратами позволяют спускаться на казавшиеся недоступными глубины. Но все же, как мы еще мало знаем жизнь их! Даже жизнь сельди, самой обыкновенной сельди, покрыта мраком и тайной. Вопросы: откуда она идет? куда идет? почему внезапно пропадает на целые годы? — доныне остаются без ответа. Под влиянием этих размышлений, вызванных статьей из «Красного северного сияния», — этот журнал всегда вызывает размышления, — у меня вырвались слова, которые рассердили Уолша. Я сказал, отвечая в сущности самому себе на свои собственные мысли:

— Вы говорите, знаменитейшие зоологи часто ошибались и еще чаще вовсе не могли объяснить явления. Действительно... Вот, например, петухи... Отчего они кричат «ку-ку-ре-ку»? И с закрытыми глазами, во сне, хлопают крыльями, все поголовно, в одно и то же время? Ни один ученейший зоолог не смог бы разобраться в этом вопросе.

О чем кричат и знают петухи
Из курной тьмы?
Что знаменуют темные стихи,
Что знаем мы?

Я не успел докончить первой строфы, как Уолш, чуть покраснев, зло заметил, что он знал в Америке одного сумасшедшего, который никогда в жизни не видел ни одного петуха и тем не менее ежедневно к пяти часам утра тоже с закрытыми глазами, тоже во сне, хлопал себя руками по бокам и звонко кричал петушиное «ку-ку-ре-ку».

Я принял было слова Уолша на свой счет, мне даже пришло в голову, не мое ли поведение дало ему повод к такой реплике, но затем понял, что столь далеко в своем возмущении Уолш не зашел. Я задумался над вопросом поэта, ставшим, благодаря словам Уолша, как будто еще запутаннее для решения, над ученой гордостью, мнящей о всезнании... Зоология! Вон там летит в свое гнездо птица… Представим себе на минуту, что она изучила бы историю своего индивидуального развития и занялась бы исследованием строения человека. Не оказалось бы в ее ученом труде следующего: «В зародышевом состоянии эти двуногие животные имеют много сходства с нами. Кости черепа у них также не сращены; клюва нет, так же как и у нас в первые пять дней высиживания. Конечности почти одинаковы и приблизительно той же длины. На всем теле нет ни одного настоящего пера, — лишь тонкие голые стержни, так что мы уже в яйце стоим выше по развитию, чем они в конечной фазе его. Кости их не хрупки и, подобно нашим в юности, не содержат воздуха. Воздушных полостей у них нет совершенно, и легкие не стоят в связи с скелетом, как у нас в самом раннем периоде. Зоба нет вовсе. Железистый и мышечный желудок более или менее слились в один общий мешок. Все это — черты строения, у нас быстро исчезающие. Когти у большинства двуногих столь же неудобно плоски, как у нас перед вылуплением. Способностью летать обладают из млекопитающих только летучие мыши, которые и представляются наиболее совершенным видом из всех них. И эти-то животные, которые так долго после появления на свет не в состоянии сами добывать себе пищу, в своих зоологических трактатах заявляют претензию на организацию высшую, чем наша!».

Моя ненависть к зоологии явилась причиной того, что я не смогу передать ничего связного из дальнейшего рассказа Уолша. Я только помню, как в ответ на несколько насмешливые вопросы Нолли, Уолш жалобно клялся, что лейтенант Жиль Марше, в прошлом году посадивший из-за морского змея миноносец на коралловый риф, был аттестован начальством, как выдающийся офицер, что ром пьют на крейсерах, а не на миноносцах, что это древняя строго соблюдающаяся во флоте традиция.

Не знаю, убедилась ли Нолли в существовании морского змея. Я помню только, как она спросила меня, не видел ли я когда-нибудь живого морского змея и, не успел я качнуть головой в знак отрицания, как она с самым серьезным видом заявила:

— Когда Уолш вытягивает шею — он настоящий морской змей!

На следующий день рано утром мы прощались. На скорую руку Уолш передал мне свою визитную карточку, испещренную адресами. Протянув руку, голосом ласковым, как у жалующегося ребенка, он попросил моей помощи. — «На всякий случай», — как он выразился. Из его несколько сбивчивых слов я понял, что Нолли издевалась над ним до последней минуты, заявив в конце концов, что выйдет за него замуж, если он сумеет доказать ей существование морского змея.

— Но я ведь не ученый! — воскликнул он, грозя кулаком в пространство.

—Я поговорю с Нолли и сделаю все, что смогу, — твердо ответил я. Но по совести сказать, зная ее характер, я отчетливо сознавал, что сделать тут ничего не смогу, и что Уолша бесцеремонно в этом отношении обманываю. Но он был так, бедняга, огорчен!

С некоторой боязливостью положил я свою руку на его раскрытую ладонь. Он протянул мне последнюю тем примитивным жестом, с каким, вероятно, протягивал ее человек каменного века в доказательство того, что в ней не зажат камень. Но когда пальцы Уолша сжались, я почувствовал то прочное и вместе нежное рукопожатие, которым обменивается взрослый с ребенком. Когда он говорил мне прощальные слова последнего привета, взгляд его скользнул по головам публики, спешившей к выходам перрона... Среди нее была Нолли.

Я почувствовал жалость к этому гиганту, у которого большое сердце что-то уж слишком учащенно билось под тугим полотном все еще надетой фрачной сорочки. Это было заметно по лицу, тем местам его, сбоку под глазами, которые как-то особенно меняются при волнении, — преимущественно у женщин, каким бы самообладанием они ни отличались.

Женщины! я выдаю ваш секрет, ибо наблюдение над этим свойством вашего лица — единственный точный способ, которым можно определить, говорите ли вы нам правду.

Это свойство придавало лицу Уолша нечто женственное, чуть беспомощное.

Но —

«Надо удалиться и жить
Или оставаться и умереть».

Это сказал еще Ромео. Уолш выбрал первое.

— Вы долго пробудете в Париже? — спросил я Уолша.

Но мой вопрос не сразу дошел до его сознания.

Вздохнув, он с чисто американской фамильярностью положил руку на мое плечо и устало произнес:

— Нет! Думаю, мне нечего делать в Европе...

Я приподнял шляпу, и мы расстались.

Мне и в голову не приходило, что я еще когда-нибудь увижусь с моим влюбленным американским мукомолом, да еще при столь необыкновенном стечении обстоятельств. Во всяком случае, он испарился из моей памяти вместе с ароматом неизвестного мне благоухания, которое оставалось при мне еще некоторое время после памятной беседы в купе моей милой соотечественницы.

Не задерживаясь, я проехал в Стокгольм.

Старые связи в ученом мире помогли мне быстро наладить работу в минералогическом музее, и не прошло суток, как я уже сидел в специально отведенном для меня небольшом круглом зале университета над перелистыванием старинных изданий по геологии. Пожелтевшие листы, плотные, чуть шуршащие, доверчиво раскрывали перед моим взором, как постепенно проникал человек в тайну мироздания. Я прекрасно помню бессолнечное и, однако, не тусклое утро, когда скандинавское небо показалось мне, северянину, родным. Я сел за свой библиотечный стол с тем легким чувством, которое обыкновенно испытываю в древнем храме, в музее или среди развалин.

Перевернув страницу, я вздрогнул.

Ландшафт рисунка книги, — это была знаменитая «Палеонтология» Кределя, изданная в 1626 году приложением к геологии Вормса, — поразил меня своим видом.

Как будто подсознательно ощутил я связь вида, изображенного в книге, с видом, открывавшимся передо мной из огромного венецианского окна. За мелким переплетом

оконных рам уходил вглубь, закрываясь невдалеке ровной линией гребня возвышенности, точно такой же ландшафт, какой был изображен неизвестным художником на лежавшем перед моими глазами рисунке.

Я почти онемел. Сходство было поразительное до деталей. Те же скалы из гранитов громоздились влево, так же ввысь уходили их остроконечные шпицы, словно зубчатая крепостная стена... Та же мягкая зелень ковра, будто в складках сползшего с возвышенности напротив... Даже небо в легких перистых облаках было копией того, которое глядело на меня со страниц книги, где яркость краски соперничала с живой природой. Но что самое удивительное — так это наличие воды в правом фасе картины. На мертвом рисунке это был океан, в окне же — лишь небольшой ручеек в пологих берегах.

Чем больше вглядывался я — тем аналогия казалась ощутительнее.

Но вот глаз заметил и различие. На том берегу потока, ясно видимого из окна, мирно покачивала кудрявой головой столетняя ива, тогда как на иллюстрации в этом пункте, среди ряби океана, виднелась голова... морского змея!

Звук открывшихся за мной дверей и шаги нескольких человек заставили меня обернуться.

То, что я увидел, само по себе заслуживало внимания.

Надо сказать, что белый круглый зал, в котором я занимался, был совершенно непосещаемой частью музея. Полуциркульные отвесные скалы примыкали к самым стенам, и только прямо впереди виднелась ровная, возвышающаяся к горизонту покатость плато, о котором я говорил. На этом плато я не видел ни одного живого существа. Если

бы не трепетавшая на ветру ива — единственный живой здесь предмет — ландшафт казался бы живописью в раме окна. Очарованный этой невозмутимой тишиной, я несколько удивился, когда в двери стали входить незнакомые мне люди, один за другим. Старшему на вид было лет под восемьдесят, но двигался он бодро и уверенно, как и тот, который казался моложе его лет на двадцать. Третий был лет тридцати пяти. Четвертый, пятнадцатилетний мальчик, вошедший последним, ростом равнялся с остальными. Я бегло схватил по их лицам, что это несомненно одна семья. И действительно, незнакомцы оказались прямым нисходящим поколением Олафа Хэрста, главного университетского библиотекаря. Словом, ко мне вошла вся библиотечная династия, без ее главы. Этот визит, как я потом узнал, был традиционным актом вежливости в отношении иностранного гостя. Но перейду к сути рассказа.

Младший — Рандольф — объявил мне, что прапрадед, шеф, явиться к сожалению не может, так как вечером должен состояться торжественный банкет. Дело в том, что университет праздновал трехсотлетие своего существования. Галантно раскланиваясь, будущий наследник библиотечного престола заявил, что он уполномочен пригласить меня на этот банкет. Поблагодарив университет в лице праправнука, правнука, внука и сына Олафа Хэрста за приглашение, я пригласил их сесть.

Надо было начать разговор, но, по присущей мне несветскости, он не клеился. И только когда самый древний из моих посетителей, по-видимому, сын Хэрста, бросил взгляд на раскрытый том с иллюстрацией, изображавшей так поразивший меня ландшафт, разговор оживился.

— Господин профессор читает Вормса? Но знает ли господин профессор, где Вормс написал свою книгу? Он написал ее здесь, в этом самом кресле. Да! Он был, по-видимому, прекрасным рисовальщиком, этот Вормс... Посмотрите в окно... Не этот ли ландшафт вы через него видите?

Старик пояснил мне, что записи, хранящиеся в архивах библиотеки, с точностью это устанавливают, и затем, переглянувшись с остальными, жестом пригласил меня к окну.

— Круглое здание, в котором мы находимся, появилось в 1620 году, — сказал он. — На шесть лет раньше суб-инкунабулы Вормса. Обратите внимание на то, что крылья здания построены в упор к боковым скалам. Река, которую вы видите, изгибается за эту возвышенность, — он показал на поднимающееся плато, — она естественная преграда для окрестных жителей. Мне семьдесят семь лет, — продолжал он, — но я не видел еще из этого окна ни одного живого существа.

И с подвижностью, столь не гармонировавшей с его возрастом, он вспрыгнул на подоконник, а с него — на землю. Рандольф тотчас же оказался возле него.

— Я покажу ему э т о? — вопросительно произнес Рандольф.

Старик, улыбаясь, молча кивнул головой.

И вот здесь-то я впервые услышал палеонтологическую лекцию, во время которой мне демонстрировали натуральную природу эпохи до первого оледенения земли, эпохи, уходящей в седую древность. Я знал, что это только минута в истории жизни земли, эра, называемая новой, хотя ей свыше пятидесяти тысяч лет; что деревья, чудеснейшее из украшений земли, предки вот этой самой ивы, колеблющей невдалеке свои ветви, появились задолго до этой эры, одновременно с теми гадами, чудовищные размеры которых нам так сейчас непонятны. Я знал, что человек проник отчасти в тайны времен зарождения жизни, так как не обнаружил в древнейшей из известных ему эпох, насчитывающей сотни миллионов лет, ни ископаемых животных, ни растений...

В конце концов мы все оказались за окном.

Карабкаясь вправо по скале, в направлении к реке, мы спустились затем в глубокий каньон.

Совершенно замкнутая котловина имела дикий неприветливый вид, словно она была одним из тех кругов ада, который забыл описать Данте.

Мы шли, спотыкаясь, по огромным валунам, пока не достигли задней скалы, преграждавшей доступ. И здесь... Но буду рассказывать по порядку, в той последовательности, в какой все это произошло.

— Вы наш гость, пребывание которого мы очень ценим, —заявил мне один из двух дотоле молчавших шведов.

Я молча поклонился, не зная еще, к чему ведет это вступление. Он добавил:

— Мы будем жалеть, если утомим вас.

Другой взял меня под руку, и, улыбаясь, произнес:

— Не советую только вам никому рассказывать о том, что вы сейчас увидите... Вы испортите свою ученую репутацию. Впрочем, вам все равно никто не поверит...

Рандольф, между тем, несся вперед. Я едва поспевал за ними.

Когда мы подошли вплотную к скале, старик опустился на колени и стал отваливать камень. Справившись с нашей помощью с этой работой, он поднялся на ноги и спросил, лукаво на меня глядя:

—У вас карандаш с собой?

—Я не захватил записной книжки, —ответил я.

—И прекрасно. Видите ли, отец запретил здесь что-либо зарисовывать.

С этими словами он, как тень, скользнул в узкую щель под камнем и пропал из наших глаз. Один за другим спускались мы, скользя на руках, ногами вперед, по крутому, усыпанному щебнем склону. Спуск был труден и продолжителен. Я ощущал влажный, чуть нагретый воздух. В полутемном гроте, в который я попал, едва освещенном верхним отверстием, сначала было трудно что-нибудь различить, но затем я несколько освоился с обстановкой. Ноги мои дрожали от непрерывного напряжения...

Рандольф это заметил и, взяв за руку, подвел меня к плоскому камню, словно к креслу. Я опустился на него в полном изнеможении. Моим провожатым, наоборот, про-

гулка эта далась без особого утомления. Изредка они перебрасывались восклицаниями на шведском языке, которого я не понимал. Смех Рандольфа гулко раздавался под сводами.

— Эоцен! Эпоха первых приматов, эпоха вымирания древних пресмыкающихся!..

Это сказано было по-немецки и несомненно относилось ко мне. Я встал.

—Я не сумею рассказать вам историю этого фантастического животного, изображенного на скале, с такими подробностями, как мой отец, — произнес с некоторой торжественностью сын Олафа Хэрста.

— Отец детально изучил эпоху, когда впервые появилось на земле отдаленное подобие человека, научившееся истреблять этих гигантских гадов.

Я тщетно пытался разглядеть доисторическое животное, о котором он говорил, но глаза мои ничего не улавливали. И только позже я, наконец, увидел ту поразительную картину, которая, как живая, стоит и сейчас перед моими глазами.

Швед говорил:

—До нашей эпохи млекопитающих существовала эпоха ящеров, свободно живших не только в воде и на суше, но и в воздухе. Заметьте это... В те времена в океанах плавал рыбоподобный тринадцатиметровый ихтиозавр! Кровожадное, прожорливое чудовище, почти игра природы, с мордой дельфина, с глазами, равнявшимися каждый вашей голове, с зубами крокодила, с позвонками и хвостом рыбы, с плавниковыми перьями кита. Мозазавр, в двадцать четыре с половиной метра,— представляете себе такую длину? это побольше фаса нашего университета, — с головой еще более феноменальной, оспаривал у ихтиозавра свою пищу — плезиозавров, страшилищ в три раза меньших, беспомощно погибавших в его пасти. Холодный взгляд мозазавра, в присутствии которого трепетало все живое, видел в темноте! И горе тому, кто попадал на его усеянные острыми зубами челюсти, раскрывавшиеся наподобие ворот. Живот-

ное превосходно плавало благодаря сжатой клинообразной форме тела и вертикальному хвосту.

Но, господин профессор! То, что вы видите на этой стене, — он поднял руку,— только жалкий экземпляр своих предков, своего рода Рандольф того времени...

Шутка не рассмешила меня. Я увидал нечто такое, отчего вздрогнул...

Между тем, своеобразная лекция продолжалась.

— Змееобразный плезиозавр, с маленькой головой на гибкой лебединой шее, был слабейшим, как я сказал, из серии этих чудовищ. Он медленно плавал на небольших сравнительно глубинах, ловя под водой добычу ловкими упругими движениями. Словно порожденное самой разнузданной фантазией, это морское диво осуществило в действительности легенды о баснословных гидрах и химерах древних поэтов. В общем он был похож на нынешних нильских крокодилов, хотя огромнейший из них перед плезиозавром — невинное создание, которого тот проглотил бы сразу, — ведь его зубы равнялись половине длины вашей руки! Проглотил бы так же, как его самого проглатывал ихтиозавр.

Рассказ воскрешал к жизни животное, подобие которого я, наконец, разглядел на стене. А голос из полутемноты продолжал:

— Но сам ихтиозавр — ничто перед своим двоюродным братом — диплодоком. Самая маленькая из этих ящериц имела двадцать пять с половиной метров длины! Да, двадцать пять с половиной, самая маленькая... Это, несомненно, огромнейшее из когда-либо живших существ. Массивные слоновые ноги, крохотная головка, длиннейший хвост, кожа гладкая, как у змеи, — вот его портрет. Большую часть времени диплодок проводил в глубоких реках и озерах, невероятно длинная шея позволяла ему срывать листву с прибрежных деревьев. Именно Олафу Хэрсту, — с самодовольством заметил сын знаменитого ученого, — выпала честь доказать, что диплодок любил соленую воду и установить, таким образом, тот отныне неоспоримый факт, что вода первобытных морей, пополнявшаяся дождями, была

пресной, и что соли приносились в моря реками. Вам известна эта теория, господин профессор?

Я промолчал. К стыду своему, я ровно ничего не слышал об этой теории. В детстве я был твердо уверен, что вкус морской воды зависит от того, что в ней плавают сельди. Отказавшись от такого объяснения, я остался вовсе без точки зрения на вопрос. Словом, я счел более удобным промолчать.

— Отец предполагал, что эти исполинские травоядные ящерицы размножались посредством кладки яиц. Американская экспедиция 1924 года в Монголии, нашедшая двадцатисантиметровые яйца, подтвердила это предположение.

Говоривший умолк. Я подошел к стене, и рука моя невольно протянулась к беловатым, в натеках, линиям, намечавшим рисунок исполинских частей скелета на словно полированной поверхности скалы. Когда я дотронулся до углублений, меня охватило невольное возбуждение.

* * *

— Знакомы ли вы с палеоэмбриологией? — спросил меня старик.

— О нет, — отвечал я, — о развитии доисторических животных я знаю еще меньше, чем о них самих.

— Слой в один метр отлагается в течение семи тысяч лет. Толщина всех осадочных слоев земной коры равна пятидесяти четырем километрам. Вы можете рассчитать, сколько лет потребовалось для их отложения. Четыреста миллионов лет, господин профессор! Вот какими цифрами приходится оперировать, глядя на этот великолепный экспонат. В этих слоистых горных породах — великий геологический музей природы!

Рассматривая баснословное страшилище, я размышлял: завязло ли его тело в иле и тине первобытного моря, которые сохранили нам рисунок его костяка? Или один из моих

предков, может быть, поклонявшийся чудовищу, как божеству, каменным топором выбил его изображение?

— На возвышенном плато, которое видно из окна библиотеки и простирается почти на полтора километра, падая к реке отвесным обрывом, когда-то велись обширные работы в течение десятков лет. В пункте, где мы сейчас находимся, недра прорезаны обширными галереями. Судя по преданию, о странных линиях, находящихся на этой скале и в совокупности, как видите, представляющих как бы рисунок, впервые рассказал университетскому сторожу некий шахтер, Томазий Мен. Какая-то катастрофа погубила впоследствии смельчаков, работавших в месте находки, и она надолго исчезла из вида и даже из памяти. Еще два года тому назад вода заполняла этот грот, — по-видимому, тут есть подземная река. Отец сам работает над вопросом. В будущем году он начнет здесь копать, если только позволят средства, — нужны масса рабочих, подрывные работы... А рекламно вести дело, разгласить его ради денег, конечно, невозможно. Отец рассчитывает найти окаменелости...

Как молния прорезала мой мозг мысль об Уолше.

— Уолш! Он-то не поскупится. И во всяком случае будет молчать.

Но до знакомства с Олафом Хэрстом я решил с предложением выждать.

— Рисунок, запечатленный на скале, не принадлежит ни плезиозавру, ни мозазавру, ни тем менее диплодоку, — продолжал старик. — Рандольф залил эти углубления краской. В иных местах отец восполнил недостающие части туловища, так что в рисунке есть, пожалуй, кое-что и произвольное. Изображение сделано на древнем красном песчанике в шесть метров толщины, перекрытом угленосными отложениями следующей геологической эпохи. Красный песчаник содержит следы железа, выделившего путем вековых химических процессов тонкую черную пленку. Когда эта природная лакировка была отбита, под ней-то и обнаружилось изображение.

Посмотрите сюда! Вот здесь, например, совсем отчетливо видны трехпалые лапы с когтями. Эти когти, между прочим, чрезвычайно смущают отца; тем не менее, он утверждает, что мы видим перед собою не что иное, как легендарного морского змея! Термин этот уже принят геологией, хотя зоология его применяет пока лишь к найденным в океанах угревидным рыбам в какие-нибудь три-четыре метра. По мнению отца, здесь изображен единственный водяной экземпляр змея из полусотни видов, принадлежавших к наземным и летающим.

— Может быть, «дракон» Августина, Элиана, Плиния, Лукана, — ведь все их описания сходятся, — и есть один из видов вашего морского змея?

— Вероятно, — ответил Хэрст. — Выводы отца — плод долголетних изысканий, но я, признаться, разделяю его соображения, по которым он так ревниво оберегает тайну, ничего не опубликовывая. Вы прекрасно знаете, как были бы встречены наукой недостаточно проверенные данные. А тут еще эти когти!

— Позвольте, позвольте! — воскликнул я. — На Малайских островах водится рыба, которая вылезает из воды и поднимается на стволы прибрежных пальм навстречу скатывающимся с них дождевым каплям. Одни предполагают, что она цепляется плавниками, другие говорят о когтях!

Здесь я окончательно убедился, что «Красное северное сияние» действительно представляет собою изумительный источник точного знания. Надо было видеть выражение лица Хэрста при этом замечании, основанном на прочитанном мною исследовании о мурманских сельдях.

— Где, где вы прочли это?!

Я скромно назвал источник, в котором было опубликовано столь важное для палеонтологии сообщение.

— Но у нас нет более никаких доказательств того, что этот рисунок не случайность, не простая игра природы, а что он высечен, и высечен не в наше время! Ведь и Рандольф мог бы выбить долотом то, что вы видите. Беда в том, что университетские записи, где значилось об откры-

тии Томазия Мена, погибли сорок лет тому назад при пожаре библиотеки...

— Неприятное препятствие, — проговорил я из соболезнования.

Он помолчал.

— Конечно то, что может появиться на страницах газет, родившись в головах моряков и фантазеров, еще не для науки! Надо доказать! Правда, сам Гетчинсон говаривал не раз отцу, что если морские змеи не существуют, то существовали. Но отец, видите ли, хочет найти подтверждения теперешнего существования их.

— Происхождение морского змея от ящериц несомненно. Ящерицы убедились, что, изгибая тело и опираясь на ребра, двигаться легче и — превратили ноги в парные плавники, как у рыб.

Говоривший усмехнулся, взглянув на меня. Затем он несколько саркастически добавил:

— Вашему соотечественнику, господину Бергу, так яростно напавшему на Дарвина, придется пересмотреть свои взгляды. Знаменитая теория было зашаталась под его ударами, но ее, как видите, спасает морской змей!

Пришел мой черед улыбнуться, но из вежливости я сдержался. Я только спросил:

— По закону эволюции низшие виды вытесняются высшими. Но почему же гигантские морские звери вымерли окончательно, а крокодилы, например, сохранились до наших дней? Ваша теория не отвечает на этот главный вопрос!

Я хотел было продолжить замечания, но, к счастью, вовремя вспомнил свое «ку-ку-ре-ку».

Чуть-чуть недовольным тоном старик немедленно возразил:

— Я уже сказал вам, что Олаф Хэрст ищет доказательств существования змея в наше время.

Мы вернулись в библиотеку тем же путем. Образ водяного гиганта невольно сопрягался в моем воображении с образом другого гиганта, которого Нолли прозвала одинаковым именем. Я чуть было не уступил желанию дать депе-

шу, но снова решил выждать знакомства с Хэрстом, которое должно было произойти вечером.

Наконец этот желанный момент наступил.

* * *

Свободный от всяких забот, я мирно наслаждался на банкете общением с выдающимися представителями науки, искусства и литературы. Мои давнишние связи с университетом позволили быстро установить превосходные отношения с интимным кружком старой профессуры. Олаф Хэрст принадлежал к нему.

Столетний шеф библиотеки, всемирно известной своим палеонтологическим отделом, оказался сравнительно бодрым человеком, принявшим знакомство чрезвычайно радушно. Мы долго говорили с ним о Москве и нашей новой жизни. Он покачивал головой, но слушал настороженно-внимательно и в конце концов сказал:

—Как только я закончу свою последнюю работу, — вы знаете, какую? — я приеду в вашу страну. Я хочу увидеть собственными глазами все то, о чем вы мне рассказываете.

И, помолчав, он добавил:

— Замечательно!.. У нас тоже была революция. Давно. Когда революционеры бросились к парламенту с оружием в руках, им встретилась на пути футбольная площадка с травой. Они были вынуждены остановиться перед надписью: «Здесь ходить воспрещается!» и двинулись в обход; но тем временем с другой стороны подоспела полиция...

Я удивился юношеской восприимчивости этого старца, —он пожал мою руку, и мы стали друзьями.

Нужно ли говорить, что ученая профессия не могла нам помешать выпить одну-другую замороженную бутылку шведского пунша. Признаться, это была крепкая жидкость, от которой забурлила кровь и у Олафа Хэрста. Мы кончили нашу беседу далеко за полночь. Когда я прощался, Хэрст фамильярно взял меня под руку:

—Постойте! Вы сегодня осматривали мою достопримечательность... Рандольф рассказал мне. Но вы видели еще не все, молодой человек!

И он увлек меня с такой живостью в глубь коридора библиотеки, в читальном зале которой происходил банкет, что я ему позавидовал.

Мы долго шли мимо тяжелых желтых книжных шкафов, стекла которых поблескивали под светом ламп. Сделав несколько поворотов и пройдя ряд зал, мы остановились перед дверью. Я полагал, что мы пойдем дальше, но Хэрст указал мне рукой на кресло и, ничего не говоря, взял ручную лестницу и приставил ее к дверному косяку. Затем он влез на нее, вынул из кармана ключ и открыл узкий, вделанный в стену шкафчик. Из него он с трудом стал извлекать огромный фолиант, переплетенный в кожу; на железных застежках висели замки. Мне пришлось помочь ему спустить вниз тяжелый предмет. Опустив его на стол, он неторопливо надел очки и, самодовольно потирая руки, воскликнул:

—Я покажу вам сейчас кладбище морских змей!

* * *

Я не понял его. Но если бы понимать все, что делается на свете, то утратилась бы, может быть, главная прелесть жизни — таинственность и неожиданность. Не знаю, первого или второго было у меня больше за этот день. Морской змей! Собственно говоря, я всегда довольно-таки безучастно относился к открытиям зоологии, палеонтологии и тому подобных наук. Причина этого коренилась, вероятно, в пагубной привычке моей молодости —увлечении поэзией.

Из всех живых существ, не имеющих человеческого облика, меня интересовала разве только одна бенаресская саламандра. Что за удивительное существо, которое не тонет в воде и не горит в огне, как утверждали поэты всех времен и народов. Как я хотел бы стать саламандрой! Моя

поэма о саламандре... Впрочем, о своих неудачных поэтических опытах в наше время расцвета истинной поэзии я не люблю вспоминать. Но именно с тех пор, как я узнал из зоологии, что «огненная саламандра» — лживая фантастика поэтов и ничего больше, — я стал питать недоверие и к страховому от огня обществу «Саламандра», где было застраховано мое имущество, и к поэтам, и с холодным безразличием отношусь к зоологии, меня с ними разлучившей.

Разве не Гёте предвосхитил идеи Дарвина? Конечно, обман обману рознь. Когда, например, англичане на своей бенаресской фабрике печатают в пять красок обои с изображением туземных идолов, и бедный индус, покупая нужный ему кусок, обзаводится за безделицу целой коллекцией почитаемых богов, — то это обман дурного сорта. Но моя бенаресская саламандра! В этом положительно ничего не было предосудительного, если бы не зоология.

Одним словом, я приготовился выслушать Хэрста с чрезвычайно сдержанным чувством. Но то, что он мне показал, быстро рассеяло мое недоверие. С одной стороны, все, что я увидел, являлось чудесным поэтическим вымыслом, облеченным в форму точного сухого научного документа, с другой...

Но судите сами.

Когда Хэрст раскрыл фолиант, на первом листе его я не увидел ничего, кроме нарисованного телеграфного столба, даты, очень давней, и подписи: «Капитан Мориссон с корабля “Вега”». Вверху листа была обозначена географическая широта и долгота, что повторялось и на всех последующих листах, заключавших в себе разного рода изображения подобного же телеграфного столба, к которому изредка рисовальщик приделывал верхушку в виде крохотного языка, иной раз ставя зачем-то столб в воду. Но вскоре все стало разъясняться. На седьмом, — как сейчас помню, — листе ясно различалось очертание не столба, а животного, какого-то исполинского змеевидного существа, которое на морском просторе поднимало на высоту мачты рыболовного судна шею, увенчанную крохотной стреловидной го-

ловой, как бы для того, чтобы запастись воздухом. В голове замечалось что-то общее с осетром. Пунктиром была обозначена длина шеи и радиус ее размаха. Небольшой рисунок внизу листа изображал момент, когда чудовище погружало в воду свое гигантское туловище.

— Не меняя положения, морской змей может исследовать вокруг себя воду на тринадцать метров глубины, — сказал Хэрст.

Мы переворачивали лист за листом, где были документированы очевидцами все случаи встречи в океанах и морях с морским змеем. Почти каждый лист отмечал глубины. Каждый лист был подписан; иной раз подписывалось какое-либо другое лицо вместо неграмотного рыбака, свидетельствовавшего свою историю. От листа к листу образ морского змея становился все ясней и ясней. Если один давал вид общий, — другой отмечал деталь и, в конце концов, в воображении выступал весь зверь с своей окраской, в состоянии и покоя и движения. Я помню прекрасно в одном месте надпись, которая гласила, что змей плавал почти на поверхности! Значит, он мог управлять своим огромным внутренним давлением, чтобы не разорваться подобно пузырю, поднявшись вверх! Это положительно путало все мои представления о тех рыбах-чудовищах, которые живут на таких глубинах, где давление водяного столба способно было бы моментально расплющить их в стебель водоросли, не будь этого внутреннего давления.

Хэрст перевертывал лист за листом.

Тело зверя, сжатое с боков, не имело никакой чешуи. Хвост был похож на весло, поставленное ребром. Глаза с круглыми зрачками смотрели чуть вверх. Добыча глоталась, очевидно, целиком, благодаря способности глотки раздуваться.

— Но почему же вы не опубликовали этого? — воскликнул я.

Он повел плечами и, подняв очки на лоб, молча посмотрел на меня, — мне показалось, с некоторым состраданием.

Последний лист фолианта заключал сводку всех описаний и рисунков. Этот общий рисунок был точной ко-

пией доисторического рисунка на стене грота.

В шесть часов утра я дал депешу:

«Срочно. Лондон. Экспорт-банк, Уолшу. Немедленно выезжайте Стокгольм. Морской змей найден».

Не знаю, что подумали обо мне директора Экспорт-банка, но телеграфный чиновник рассматривал меня несколько дольше, чем это полагалось бы. Я утешил себя мыслью, что «Морской змей» мог быть, ведь, и названием какого-нибудь пропадавшего корабля.

Как бы то ни было, на третий день Уолш прибыл. Я не могу сказать, чтобы он изменил своей обычной манере вести дела. Морской змей был для него таким же делом, как и отправка муки на Данциг, от которой я его оторвал своим вызовом.

—Кто, где, что и когда?

Я ответил на все его вопросы.

—Я дам вашему Хэрсту семь тысяч восемьсот долларов. Большей суммой кредитовать его сейчас не могу. Как только определятся результаты, я возмещу все расходы. Это — часть суммы, уже мной ассигнованной в качестве премии тому ученому, который докажет существование морского змея. Моя публикация, однако, не вызвала пока никакого отклика. Очень вам признателен.

Я уехал из Стокгольма через неделю. Уолш там оставался. Не могу в точности сказать, чем он, собственно, был занят. Знаю только одно, что все время он проводил с Хэрстом. Они рылись в гроте и устраивали проволочных морских змей, много писали... Я простился с ним в начале августа, а пятнадцатого ноября он коротко извещал меня: «Защитил диссертацию о морском змее. Поздравьте доктором палеонтологии».

Нолли узнала об этом тогда же, но я никак не ожидал финала, который произошел. Я всегда думал, что Уолш ей все-таки нравится.

Я сам передал Нолли письмо Уолша и его диссертацию, отпечатанную в «Известиях Стокгольмского университета»; я рассказал также о том, чему был свидетелем.

Гневная и красная от волнения, почти возмущенная, она наотрез отказалась от чтения «всякого вздора», и только мои настойчивые просьбы прочесть хотя бы письмо заставили ее это сделать.

В письме Уолш очень настойчиво и любезно приглашал нас совершить небольшое путешествие на его яхте «Эклипс». Он писал, что оно продлится месяца три и что он сделает все возможное, чтобы мы могли провести время наилучшим образом. Не скрою, что, сразу же решившись принять это предложение, я почти насильно вынудил Нолли дать свое согласие. Она тем более упрямилась, что начался театральный сезон. Но контракт еще не был подписан... Словом, мы телеграфировали Уолшу, что приедем.

Ах, эти незабвенные дни, чудесные ночи на «Эклипсе»! Уолш сдержал слово: поездка была восхитительной. На «Эклипсе» я понял знаменитые слова Горация, сказанные им о самом себе: «Я чувствую себя свиньей из стада Эпикура». В этом образе нет, ведь, ничего предосудительного: из домашних животных свинья наиболее родовита, так как известна со времен ледникового периода.

Я ел, пил, спал и мечтал. Что за блаженство! Да! Ироническое замечание Цицерона насчет того, что нельзя предполагать, будто свинья способна написать «Андромаху», если она способна, разрывая рылом землю, начертить букву А — погашено Марксом.

Не сказал ли он: «Даже слепая свинья может найти желудь»? Я нашел свой желудь на «Эклипсе». Что ж! A chacun sa part. Зрячий осел, например, желудя не найдет. Для репутации достаточно одного этого.

Все шло хорошо до Филиппин. Нолли, казалось, забыла обо всем на свете. Уолш взял себя в руки и даже на вопрос, не обижен ли он тем, что Нолли не прочла его диссертацию, — сухо ответил:

— Нолли говорила о живом морском змее,— о нем в моей диссертации не говорится ни слова. Она права, я проиграл свое дело.

Бедный Уолш! Для него любовь тоже была делом.

Отмечаю, что Нолли приняла такое отношение Уолша к проигрышу почти как оскорбление. Но затем все снова наладилось.

В январе, когда у нас снег и морозы, мы находились в двухстах двадцати километрах к юго-востоку от Токио.

Что может сравниться в рассказе по трудности с началом? Разве только конец.

Мы подходим к концу.

Шестого января в два часа дня «Эклипс» шел полным ходом. Уолш утром сказал нам, что мы приближаемся к самому значительному по глубине вод пункту на земном шаре. Насколько помню, он говорил, что высочайшая вершина мира — Эверест, помещенная здесь на дне океана, ушла бы в глубь полностью.

Мы находились в каюте за завтраком. Подали сигары. Вдруг яхту качнуло, — сильный толчок опрокинул мой стакан. Голос в рупор скомандовал тревожное: — Все на палубу! Яхта стала.

Уолш, серьезный, чуть побледневший, первым быстро вбежал наверх. Ничего не понимая, я старался успокоить Нолли. Ведь не могло же произойти ничего страшного на безукоризненно оборудованной яхте, среди бела дня, когда на море нет ни облачка, когда барометр абсолютно спокоен.

На палубе я увидел следующую картину. Уолш стоял, опершись на спасательный круг. Не скажу, чтобы он был похож на бурного Аякса, среди молний и перунов восклицавшего, грозя небу: «Я спасусь наперекор богам!». Он

стоял молча, держа в руках бинокль. Штурман и команда были заняты своим делом.

Нолли подошла к Уолшу, но вдруг слабо вскрикнула и схватилась за него обеими руками. Столь фамильярное обращение сбило меня совсем с толку. Я посмотрел по направлению ее взгляда и увидел...

И я сам чуть не закричал от страха.

На сияющей поверхности воды, разрезая ее, словно масло ножом, на «Эклипс» неслось с поразительной скоростью что-то страшное, неестественное, нелепое в своей громадности. Я сразу узнал чудовище доисторических океанов. Широким, сжатым с боков хвостом оно било вправо и влево, очевидно, борясь с течением, очень сильным в этих широтах. По величине зверь в полтора раза превосходил яхту. По скорости движения, как я различил потом, когда он стал описывать вокруг нас круги, постепенно суживая их, «Эклипс», выигравший первенство паровых яхт «Атлантик-Клуба», был в сравнении с ним совершенно беспомощен.

Чудовище шло то зигзагообразно, то вращаясь на одном месте, оставляя по себе воронку с пенящимся водоворотом. В случае столкновения наша гибель была несомненна. Смешно было бы говорить о том, что одна мысль о пасти, в

которой мы ежеминутно рисковали очутиться, приводила нас в трепет. Я горько пожалел, что не йог и что не знаю их искусства очаровывать зверей, что я, наконец, не тибетец, — у тех есть, по крайней мере, свой бог путешественников, выручающий их из беды.

Уолш по-прежнему стоял невозмутимо, заложив руки за спину. Весь его вид как бы говорил, что смерть презрительно отворачивается от того, кто ищет случая попасть под ее удары. Команда занималась своим делом, но было заметно, что она как будто волновалась.

Морской змей подплыл почти к самому борту. Стрелять в него мы не могли: на яхте не было никакого оружия.

Нолли от страха повисла на груди Уолша, прижавшись к нему всем телом, словно ища защиты у этого монументального человека, остававшегося бесстрастным. Он только поднял руку, словно защищая любимую женщину от ярости нападавшего страшилища.

Я не поседел в эти минуты только потому, что уже давно был седым.

Когда Нолли несколько пришла в себя, змей отплыл от нас на сравнительно далекое расстояние.

— Нолли! Вы сейчас спуститесь в каюту и наденете ваш купальный костюм. Вы поняли меня? Ваш купальный костюм. Это необходимо. Все может случиться.

Нолли боязливо оглянулась, измерила глазами расстояние до винтовой лестницы в каюты и тихо сказала Уолшу:

— Я боюсь без вас.

— Не бойтесь ничего и никого, пока я жив, но не могу же я, Нолли...

Глаза Уолша блестели, как у волка, загнанного собаками.

Не возражая больше, побледневшая и оттого ставшая еще прекраснее, Нолли почти побежала переодеваться.

Она вернулась не более, как через две минуты. Думаю, это — рекорд для женщины.

Бедная Нолли! Я всегда вспоминаю ее в эти мгновения, как она, лишившись воли и трепеща от ужаса, явилась в

своем черном обтянутом трико, к которому была прикреплена пышная желтая юбка, не доходившая ей до колен. Ее подкашивавшиеся ноги выходили из нее, как стебель выходит из чашечки речной лилии.

Словно в пространство, Уолш бросил слова:

— Или теперь, или никогда...

— Знаете, Нолли, морской змей, по-моему, гораздо больше похож на вас, чем на меня, — проговорил вдруг Уолш. И покраснел.

Нолли почти присела на корточки от такого оскорбления.

— Во всяком случае, характером! — добавил он хладнокровно, обмахиваясь носовым платком.

Она пыталась что-то сказать, но глаза ее беспокойно следили за чудовищем, которое снова приближалось к «Эклипсу».

Хотя я весь обратился в зрение, но слух мой отчасти улавливал разговор.

— Чарли! Я отчаянно боюсь. Милый Чарли! Спасите меня...

Она повторяла имя Уолша с лаской и с незабываемой нежностью, обвив своими руками его шею.

Уолш, казалось, издевался над бедняжкой.

Поглядывая на этого проклятого зверя, который, по-видимому, решил-таки нас захватить живьем, он жестко сказал:

— Вы чудесно ведете себя, Нолли, в минуту опасности. Я предпочел бы, чтобы вы всегда так держались со мной.

В этих словах звучала явная насмешка.

Несколько возмущенный, я сделал шаг по направлению к Уолшу, как вдруг она, осыпая его поцелуями и почти лежа в его объятиях, воскликнула:

— Чарли! Вы всегда хотели, чтобы я была вашей женой. Чарли, я буду вам верной, послушной женой, только спасите меня...

Уолш, вероятно от изумления, поднял обе руки. Нолли, потеряв равновесие, чуть не упала на свернутые канаты.

Не знаю, как держались бы на ее месте женщины другой национальности, — вероятно, одинаково, разве только испанка произнесла бы свое надменное: «corazon de monteca» — «сердце из сливочного масла!». Но то ведь испанка, с ее воспитанием на корриде! Что касается меня, то мое сердце действительно превратилось в масло, растаявшее масло.

Я видел эту сцену краем глаз, наблюдая поведение бесновавшегося около яхты зверя, но внезапно он снова повернулся к нам спиной и столь же стремительно умчался вдаль. Вскоре он почти скрылся из глаз. Может быть, он был сыт?

Уолш отнес Нолли в каюту на руках.

Когда он вернулся, я понял по его глазам, что он безропотно согласится даже быть съеденным морским змеем, лишь бы его в эти минуты оставили в покое. Он ушел на корму, и там, засунув руки в карманы, стал насвистывать «Джонни — горячие ладони».

Байрон сказал, что никто не любит быть обеспокоенным во время обеда или любви. Я могу к этому прибавить, что поцелуй — нечто вроде землетрясения: сила его измеряется не только продолжительностью.

Вынув записную книжку, — в ней заключено сердце ученого- во время путешествия, — я принялся набрасывать для Хэрста изображение змея, отмечая его размеры. Я так погрузился в свое занятие, что не заметил, как на мое плечо опустилась рука Уолша, и его голос прозвучал над самым ухом:

— Вы понимаете, я не идиот, и как бы я ни любил Нолли, я не мог тогда забыть про то, что у меня на руках пятьдесят четыре дела. И все-таки целый год я был занят этим проклятым морским змеем. Теперь я, наконец, свободен... Поздравьте меня. С сегодняшнего дня Нолли — моя невеста.

С опаской поглядывая на горизонт, я сжал его руку. В моей груди шевельнулось было забытое чувство горечи, но морской змей его заглушил.

— На этот раз я поставил на своем! Я показал ей живого морского змея!

— По-видимому, женщину надо испугать, чтобы поставить на своем, — ответил я меланхолически.

Это была единственная колкость, сказанная мною Уолшу.

— Да, очевидно, это последнее средство, — простодушно подтвердил он.

И прибавил, помолчав:

— Это средство стоит мне пятьдесят тысяч долларов, а вместе с диссертацией... — Он махнул рукой.

Я изумленно посмотрел на него.

— Разве только я сумею продать за четверть цены эту дьявольскую машину какой-нибудь кинофабрике... Помните, я рассказывал вам про своего разорившегося друга Блистона, сшившего мне тот самый фрак...

Уолш передернул плечами.

— Блистон заработал на этом крокодиле чистоганом тридцать тысяч, хотя самая идея принадлежит мне одному. Зато смастерил он его превосходно, — не правда ли? А как мой змей слушался команды! Стоило мне поднять руку — он уходил, я вынимал платок — он приближался. Теперь Блистон пустит поперек него рекламу, — это Блистон поставил условием. Реклама в портовых городах даст ему еще сто тысяч долларов. Да, Блистон тоже сделает на морском змее хорошее дело...

Мой рассказ подошел к концу. В сущности, из-за моей симпатии к Уолшу, из-за того, наконец, что мой герой — американец, — а у американских героев, как известно, в финале всегда все благополучно, — я должен был бы кончить примерно таким образом:

«Нолли узнала правду только тогда, когда у нее родился сын. Он так и рос под именем “Морского змееныша”. Она не простила Уолшу одного: купального костюма. Кроме того, у них постоянные стычки из-за времени, которое Нолли тратит на одевание. В этих случаях Уолш хладнокровно напоминает ей известный момент из ее жизни.

Она стала знаменитой киноактрисой и особенно прославилась в фильме “Морской змей”, где ее проглатывает чудовище.

Уолш по-прежнему занимается коммерческими делами пополам с филантропией. На визитной карточке его теперь значится: “Чарльз Уолш. Полковник и доктор палеонтологии”».

Но я так кончить не могу. Я обещал именем Бальзака не превращать истину в игрушку с сюрпризами. Нолли не вышла замуж за Уолша. Она действительно снималась в парижской фильме «Морской змей». Роль занимала ее еще в ту памятную поездку, когда я познакомился с Уолшем. Она обдумывала ее, пока Уолш занимался своими раскопками в Стокгольме, она ее играла вскоре после нашей поездки на яхте, — и, говорят, играла бесподобно.

Уолша я видел этой зимой. На мои недоуменные вопросы он с некоторым упреком жаловался, что на обещания русской женщины нельзя полагаться, что нет никакой возможности вести с ней дела! Он добавлял, впрочем, что, может быть, в этом именно и заключается главное ее очарование — для американца, по крайней мере.

Я последовательно передал все события так, как они произошли. Ученому невозможно изложить их с подобающей живописностью, ибо ученый, как известно, обязан быть в передаче фактов только точным и достоверным. Возможно, конечно, что я упустил какие-нибудь детали, могущие представить существенный интерес для палеон-

тологов, но я с удовольствием дам нужные справки по телефону. Мой номер 4-21-00, от пяти до шести по средам. Если кому-нибудь захочется проверить меня в основных данных, того я прошу съездить за границу, — это так легко сделать, — в Стокгольм, на улицу Трех Лип, где помещается палеонтологический отдел знаменитой университетской библиотеки.

Хэрст еще жив. Он писал мне. В приписке к письму значилось:

«Я всегда говорил, что лучшие палеонтологи — американцы».

В адрес Нолли он прислал подарок — старинную книгу из своей библиотеки — «О качествах женщины со времен Евы до наших дней». На заглавном листе, под рисунком, изображающим нагую женщину, рука которой, дотронувшаяся до яблока, висящего на древе познания, превращается в змия, было написано:

Femina, altum sapere noli.

Передавая ей книгу, я предложил перевести этот текст, столь мудрый, но столь запоздалый в наш век эмансипации.

Нолли снисходительно улыбнулась и ничего не ответила.

Людмила Опочинина

ПУТЕШЕСТВИЕ ВНУТРЬ ЗЕМЛИ

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛИОТЕКА

П. Л. ОПОЧИНИНА

ПУТЕШЕСТВИЕ ВНУТРЬ ЗЕМЛИ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

О ЧЕМ БУДЕТ РАССКАЗАНО В ЭТОЙ КНИЖКЕ

Книжка эта описывает одно удивительное путешествие. Такого путешествия на самом деле не было. Его придумал тот, кто написал эту книгу, ее а в т о р. Однако, несмотря на выдумку, прочесть эту книжку стоит. В ней есть много правды. То, что в ней говорится про разных невиданных зверей, которые давным-давно вымерли на земле, — истинная правда. Такие звери действительно когда-то жили на земном шаре. Было это в незапамятные времена, в такие давние, когда и людей на земле еще не было.

Как же могли люди узнать о таких давних временах? Узнали они не сразу, а после долгой и трудной работы, которую делали десятки и сотни ученых. Работа эта вот какова. При раскопках глубоких слоев земли иногда находят удивительные вещи. Попадаются, например, огромные зубы, величиной с человеческую голову, а весом в полпуда и больше. Другой раз выкопают диковинные кости или чешую или раковины, твердые и тяжелые, как камень, и другие необыкновенные вещи. Находки эти делают иногда на такой глубине, куда раньше рука человеческая не проникала, например, в глубоких шахтах, при добывании песка из больших ям, в каменоломнях и других подобных местах.

Есть особые учреждения, в которых собирают такого рода находки. Эти учреждения называются музеями. В них работают ученые люди, разбирая и изучая эти находки. Из найденных костей собирают они целые скелеты и сравнивают их со скелетами теперешних животных. Тогда делается ясно, чем выкопанное животное отличалось от нынешних, и на кого из них оно больше всего похоже. Так, например, огромные зубы, о которых мы говорили, похожи на зубы теперешних слонов, по во многом от них отличаются: у теперешних слонов никогда зубы не бывают такими большими. Нередко вместе с этими зубами находят и другие кости тех же огромных животных: их длинные загнутые

бивни (клыки), кости ног, хребет, череп и так далее. По всем найденным костям можно восстановить внешний вид этих животных. К счастью, оказалось, что кое-где в мерзлой земле Сибири сохранились в замороженном виде целые трупы этих огромных слонов. Они пролежали в мерзлой почве тысячи лет, и на них уцелело мясо, осталась шерсть, а в зубах застряли остатки пищи. Одного такого слона (мамонта) выкопали в Сибири и привезли в Петербург в 1902 году. Его мясо было таким свежим, что собаки ели его. Теперь чучело этого мамонта стоит в большом зале в Ленинградском музее при Академии наук, и его могут видеть все желающие.

О других животных минувших времен узнали подобно тому, как о мамонте. Были найдены кости диких быков, пещерных медведей, пещерных львов, саблезубых тигров и множества других исчезнувших зверей. В этой книжке рассказано лишь о некоторых из них. Вместе с остатками животных находят нередко и остатки прежних растений, а в каменноугольных копях разрабатывают и извлекают на свет дневной целые окаменевшие леса минувших времен. Изучив эти остатки, можно восстановить всю картину прежней жизни. По таким картинам и ведется рассказ в этой книжке. Здесь названы и описаны только такие животные, которые на самом деле водились когда-то на земле, кости которых были хорошо исследованы учеными и о которых мы многое можем сказать с достоверностью.

Те из наших читателей, которые захотят побольше узнать о минувших временах и их жизни, найдут много любопытных сведений в других книжках, изданных Государственным издательством.

Мы советуем достать и прочесть следующие:

Г р е м я ц к и й, Первые люди на земле. Цена 12 к.

Лебедев, В шесть ли дней сотворен мир? Цена 15 коп.

Малинко, Сколько лет матери-земле. Цена 10 коп.

Малинко, Животный мир минувших времен. Цена 12 коп.

Опочинина, Огонь. Рассказ из жизни первобытного человека. Цепа 15 к.

Все эти книги можно достать в избах-читальнях и библиотеках или купить в почтовом отделении или кооперативе. Можно также выписать прямо из Государственного издательства. Москва, Ильинка.

Хорошо также прочесть (взяв из библиотеки) более толстую книжку: Обручев: «Плутония»; в ней подробно рассказано о прежней жизни.

I. НЕИЗВЕСТНАЯ СТРАНА

Бледное солнце крайнего севера освещало неоглядные ледяные поля. Все было тихо и безмолвно. Лишь изредка около скал кричали какие-то северные птицы да ворчали белые медведи.

Но вот послышался какой-то странный, похожий на жужжание, шум и на бледном северном небе показалась темная точка. Она все росла и росла, и вот наконец уже невысоко показался огромный аэроплан «Пионер» и, прокатившись на колесах, остановился на льду. Двое суток назад русские путешественники вылетели из Мурманска[1], направляясь к северному полюсу[2].

Вначале все шло хорошо, но на третье утро летчик Павел Алексеевич Корнеев заявил товарищам, что дальше лететь нельзя: мотор не в порядке и может случиться несчастье.

— Нам остается только одно, — решительно сказал он, — спуститься на лед и ждать помощи. Провизии дней на пять хватит, а там и наши подоспеют.

—Экая досада, право, а я-то уж воображал, как мы пролетим над полюсом и покажем иностранцам, что русские

[1] Город Архангельской губернии близ Северного ледовитого океана.

[2] Самая северная часть земной поверхности, куда еще до тех пор не могли попасть люди.

самолеты тоже чего-нибудь да стоят! — проговорил один из пассажиров, геолог[1] Борис Петрович Торопов.

Остальные пассажиры, зоолог[2] Дмитрий Николаевич Глинский и приятель Корнеева летчик Белкин, тоже были очень недовольны. Всем хотелось довести до конца путешествие, и порча мотора была некстати. Однако пришлось спуститься.

Очутившись на льду, все с интересом осматривались вокруг.

— Черт бы побрал этот проклятый мотор, — ворчал молодой механик Смирнов, — ведь осматривал я его в Мурманске, все было как будто в порядке, а тут вот тебе на, — сиди теперь на льду.

— Не ворчи, Коля, — шутливо отозвался Белкин, — будь благодарен, что не сломал себе шею. Еще немного, и мы все могли бы очутиться на льду, только не в стоячем, а в лежачем положении.

— Что это там на скалах виднеется? — сказал Глинский, всматриваясь вдаль.

Он взял подзорную трубу и долго что-то разглядывал.

— Знаете, Борис Петрович, — воскликнул он радостно, — а ведь там на скалах белые медведи, значит, и земля недалеко, белые мишки любят ютиться около земли.

— Мы сейчас находимся на 79 градусе северной широты[3], — ответил Торопов. — Насколько я помню, здесь никто

---

[1] Геология — наука о земле: о строении земной коры и ее истории. Геолог — человек, занимающийся ею.

[2] Зоология — наука о животных. Зоолог — человек, занимающийся этой наукой.

[3] Чтоб удобно было показать, где какое место лежит на земле, ученые делают так. Они представляют, будто весь земной шар покрыт особыми кругами, как бы тончайшими кольцами, нанизанными на него. Посредине, между двумя полюсами, в самом широком месте земного шара его охватывает самый большой из этих кругов. Он называется экватор. К северу и к югу от него идут все более узкие кольца (круги) до самых полюсов. Ученые считают, что от экватора до полюса лежит 90 таких кругов, или девяносто градусов (слово градус значит шаг, ступень). Счет градусам ведут от экватора к полюсам. Так как есть два полюса — се-

еще не бывал. Кто знает, может быть, нам посчастливится открыть новую землю. Ну, тогда я, пожалуй, не буду жалеть о нашей неудаче.

Путешественники решили немного отдохнуть и подкрепиться, а потом с новыми силами добраться до скал и посмотреть, что видно дальше.

— Своего «Пионера» я смело могу оставить здесь на льду, никому он не нужен, разве только белые медведи захотят на нем покататься, — смеялся Корнеев, собираясь в путь.

Минут через двадцать вся компания зашагала по направлению к видневшимся вдали ледяным уступам. Несмотря на начало апреля, в этих далеких северных местах повсюду лежал толстый слой льда и было не меньше 10 градусов мороза.

— А хорошо здесь, тихо и дышать легко, —-говорил идущий позади всех Смирнов, —только немного тоскливо: все лед да лед кругом.

До ледяных гор оказалось добрых версты полторы, но вот наконец добрались и до них.

— А мишек больше не видно, должно быть, нас испугались, — сказал Глинский, подходя к плоской ледяной скале.

— Вы как хотите, товарищи, а я должен взобраться на эту гору и посмотреть, что видно дальше, — объявил Топоров и полез наверх по ледяным выступам.

С трудом взобравшись но скользкому льду, он очутился на новой ледяной площадке и осмотрелся вокруг.

— Знаете что, — крикнул он вниз, — а ведь лед-то здесь кончается, и дальше идет снежное поле. Что хотите, а по-

---

верный и южный,— то есть и двоякий счет градусов: северная широта — на север от экватора и южная широта — к югу от него. Чем ближе место к экватору, тем меньше градусов широты на этом месте. Так, Москва лежит на 56-м градусе северной широты, Ленинград — на 60-м, а Баку на Кавказе — на 40-м градусе.

моему, это плоский берег какой-то новой, неизвестной земли.

Его слова так раззадорили остальных, что они один за другим также взобрались наверх.

В самом деле, внизу расстилалось огромное снежное поле, а вдали виднелись новые ледяные скалы.

— Вот так земля! Снег да лед! Ничего больше не видно, — недовольно произнес Смирнов. — Нечего сказать, стоило лезть сюда!

Однако остальные не согласились с ним, а, наоборот, решили спуститься вниз и немного пройти по полю вперед, если только снег не глубок и можно пройти, не увязнув.

Белкин и Глинский первыми спустились на снег. Оказалось, что это довольно твердый наст и идти по нему легко.

Путники довольно быстро подвигались вперед, немного отклонившись вправо. Вдруг зоркие глаза Белкина заметили на снегу полосу, напоминавшую след от полозьев.

— Товарищи, а ведь здесь был кто-то раньше нас! — с удивлением вскричал он. — Вот уж не подумал бы, что здесь можно встретить людей! А все-таки это след от нарт[1], а вот и собачьи следы. Они были малозаметны на льду, вот мы их раньше и не разглядели.

Все остановились и рассматривали следы.

— Одно удивительно, — заметил Глинский, — как могли люди попасть сюда, мы ведь не встретили ни одного аэроплана.

— Кто знает! — возразил Торопов. — Они могли приехать по воде, оставить корабль там, где еще не было сплошного льда, а дальше пробираться на собаках. Не забудьте, что мы могли не заметить корабля, когда летели ночью.

— А может быть, это здешние жители. Скажите, Борис Петрович, как вы полагаете, они не могут быть людоедами? — испуганно спросил Смирнов.

---

[1] Нарты — запряженные собаками сани, на которых ездят в северных странах. В такие сани обыкновенно запрягают больших сибирских «лаек».

Все засмеялись.

— Не бойся, Коля, — успокоил его Белкин, — нам они не страшны, у нас есть револьверы: выстрелим раз, так все разбегутся, подумают — колдовство какое.

— Ну, товарищи, теперь я ни за что не отступлю, во что бы то ни стало пойду вперед, очень уж интересно, что это за люди, — решительно заявил Торопов. — Следы свежие, они не так давно проходили тут, может быть, мы их нагоним.

— Как же так, Борис Петрович, — обеспокоился Смирнов, — мы по этим следам можем далеко уйти, а тем временем наши вышлют другой самолет из Мурманска разыскивать нас. Что же тогда будет?

— Да, действительно, — отозвались остальные, — это может кончиться плохо.

Немного поспорив, решили наконец дойти до следующей ледяной стены, а потом повернуть обратно. На этот раз все шли молча; Торопов и Глинский немного сердились на летчиков. В кои-то веки удалось добраться до неизвестной земли, и вот теперь возвращайся!

— Там на скалах опять что-то шевелится, верно, какая-нибудь большая птица, — сказал Белкин. — Дайте-ка мне бинокль[1], Борис Петрович. Товарищи, да ведь это человек!

Все по очереди стали смотреть в бинокль. Действительно, на верху уступа ясно виднелась фигура человека. Он стоял, обернувшись спиной к ним, и, по-видимому, всматривался вдаль. Вот он обернулся и посмотрел в их сторону.

— По-моему, он тоже смотрит в бинокль, — проговорил Белкин, внимательно разглядывая человека. — Ну, чего же ты боялся, Коля, это, должно быть, тоже какие-нибудь путешественники, — у дикарей биноклей нет. Интересно узнать, что это за люди и как они сюда попали?

Человек долго стоял на одном месте, а потом снова повернулся к ним спиной. Теперь они были уже настолько

[1] Небольшая двойная зрительная трубка, приставляемая к обоим глазам.

Рис. 1. На верху уступа ясно виднелась фигура человека.

близко, что можно было разглядеть его и без бинокля. Это был высокий и крепкий мужчина, одетый так же, как и они, в меховую куртку, оленьи сапоги и меховую шапку с наушниками. Он стоял и махал руками, видимо, зовя наверх товарищей. Скоро на уступ взобралось еще четверо людей.

— Смотрите, Павел Алексеевич, такой там мальчик хорошенький, вон этот, что стоит сбоку, направо! — говорил, обращаясь к летчику, Смирнов.

Наконец путники вплотную подошли к уступу и начали взбираться наверх. Незнакомцы всячески помогали им, переговариваясь между собою.

— Они говорят по-английски, — понял Торопов, знавший немного этот язык, — должно быть, англичане или американцы.

Но вот русские стояли уже на площадке скалы. Незнакомцы действительно оказались американцами, они пожимали русским руки и всячески приветствовали их. Торопов служил переводчиком и вот что он рассказал товарищам о новых знакомых.

Три месяца назад американская экспедиция[1], снаряженная обществом изучения полярных стран[2], покинула Америку.

Во главе экспедиции стоял профессор геологии Чарльз Бедфорд, который первым и увидел наших путешественников. Выйдя в Ледовитый океан, они проплыли до вечных льдов, а потом, оставив корабль в безопасном месте и забрав большие запасы провизии, отправились дальше на нартах. Нарты и собак они привезли с собой на корабле, и Бедфорд рассказывал, как страдали бедные животные, непривычные к плаванию по воде. Американцев очень удивила неожиданная встреча. Спутники Бедфорда: его племянник Генри Райт, доктор Джон Флит и друг Генри Джордж Конрой, особенно радовались знакомству с русскими. Они так много слышали о Советском Союзе и о новой русской

[1] Отряд ученых, отправившийся для изучения какой-нибудь страны.
[2] Стран, лежащих недалеко от полюса.

жизни, что даже собирались при первой возможности проехаться туда.

— А вот это ваша соотечественница, — сказал Бедфорд, знакомя Торопова и его товарищей с красивым молоденьким мальчиком, смущенно стоявшим в стороне.

«Хорошенький мальчик», на которого обратил внимание Смирнов, оказался женщиной, да еще русской. Меховой костюм, оленьи сапоги и шапка с ушами не позволяли угадать в ней женщину.

Екатерина Владимировна Мельникова вскоре разговорилась со своими соотечественниками и рассказала им свою историю.

Ее отец еще студентом бежал из России вскоре после революции 1905 года. Ему грозила смертная казнь, и он избежал ее лишь при помощи товарищей, собравших денег на дорогу. Кое-как устроившись в чужой стране, он в конце концов закончил прерванное образование и женился на дочери старого русского эмигранта[1]. С Бедфордом он подружился еще в студенческие годы, а после смерти жены даже переселился с дочерью в дом профессора.

— Знаете,— рассказывала Катя своим новым знакомым, — после Октябрьской революции мы с отцом совсем уже было собрались ехать в Советскую Россию, да не повезло ему — умер за месяц до отъезда. Зато я обязательно вернусь туда, ни за что не останусь в Америке.

— Разве вам худо живется? — спросил ее Белкин, — мне кажется, профессор Бедфорд очень привязан к вам?

— Худо? Конечно, нет! — с жаром возразила ему девушка. — Семья профессора — моя родная семья, но я хочу видеть новую советскую жизнь, хоть и боюсь, что очень соскучусь о своих. Особенно о «дяде». — И Катя нежно посмотрела на Бедфорда.

Она была очень дружна со своим приемным отцом, неоднократно принимала участие в его далеких путешествиях и часто помогала старому профессору, переписывая

[1] Человек, выселившийся из родной страны.

его работы и статьи. На этот раз она также отправилась вместе с ним, несмотря на просьбы и даже слезы своей приемной матери.

Увидев русских, Катя не помнила себя от радости. Она никогда не забывала родного языка, читала русские советские газеты и не раз говорила профессору и его жене, что намерена вернуться в СССР. И вдруг такая неожиданная встреча! Катя не могла наговориться с земляками, обо всем их расспрашивала, все хотела знать и особенно подружилась с Белкиным. Он, казалось ей, больше других знал новую советскую жизнь, сам участвовал в революционной работе, и на все ее вопросы отвечал ясно л разумно.

Русские спустились вниз со своими новыми знакомыми, хорошо пообедали вместе с ними, курили американские сигаретки и даже немного выпили.

— Что же, товарищи, — обратился Торопов к своим, — вот профессор Бедфорд предлагает нам пройти вместе с ними в глубь этой незнакомой земли. Как же вы решите? А?

— Я обязательно пойду, Борис Петрович, — отозвался Глинский и даже вскочил от волнения, — очень уж интересно, что там дальше. Может быть, наткнемся на каких-нибудь зверей.

— Пойдемте, Андрей Григорьевич, пойдемте с нами, — упрашивала Белкина Катя, но тот все еще не решался, боясь оставить товарищей.

— Не знаю, право, как тут быть, всем нам идти никак нельзя: наши прилетят на выручку, найдут пустой самолет и решат, что все мы погибли.

Больше всех волновался Смирнов. Порядочный лентяй от природы, он не особенно любил беспокойную жизнь и не раз пожалел, что согласился лететь так далеко.

«А все Белкин виноват, — думал он про себя, — полетим да полетим! Можно было найти и другого механика! А теперь, пожалуй, согласится идти неизвестно куда! Нет уж, дудки — скажу Корнееву, что ни за что не пойду».

Но тот и сам отказался принять участие в путешествии, говоря, что никак не может оставить аэроплан.

Наконец решили, что Торопов, Глинский и Белкин пойдут дальше, а летчик и Смирнов возвратятся назад.

— Что же, скоро можно и в путь, — обратился Бедфорд к русским, — провизии у нас хватит на всех, а я только рад попутчикам.

— Мы готовы, — отозвались те и, простясь с товарищами, присоединились к американцам.

Через несколько минут обе партии разделились и направились в разные стороны.

У американцев, к счастью, нашлось несколько пар запасных лыж, и наши путешественники бодро зашагали вперед. Снег оказался довольно глубоким, и без лыж они бы пропали. Собаки тащили тяжелые парты с поклажей, доктор, Генри и Джордж Конрой шли рядом с ними, Бедфорд беседовал с русскими учеными, а сзади всех шли Катя с Белкиным.

II. В ГЛУБЬ ЗЕМЛИ

— Скажите, пожалуйста, — спрашивал Торопов своего нового друга, — почему вы пошли именно в эту сторону, разве вы знаете, что здесь находится земля?

Бедфорд как-то странно усмехнулся в ответ и сказал, немного подумав:

— Я увидел белых медведей и птиц на скалах и решил, что земля недалеко. Ведь также и вы попали сюда, заметив этих зверей. А почему я вообще отправился в это путешествие, вы, может быть, когда-нибудь узнаете. Я уверен, что нам придется увидеть много странного и необыкновенного на этой новой земле. Ну, да об этом после.

Торопов был очень заинтересован. Ясно было, что американец что-то скрывает, но пока на их пути не попадалось ничего особенного.

Шли все время по компасу[1] на север и, хотя кругом лежал снег, в воздухе стало как будто теплее. Было не более 5-6 градусов. Снежное поле кончилось, перед ними опять выросли ледяные скалы, сплошной стеной загораживая путь. Стена была высокая, отвесная и скользкая; путники в раздумье остановились перед ней.

— Влезть наверх невозможно, — сказал наконец Бедфорд, —да и собак с нартами нам туда не поднять. Придется пройти немного вдоль стены и поискать, нет ли где прохода.

Так и сделали. Белкин пошел на разведки и через несколько минут объявил, что нашел большую трещину, через которую можно провести нарты и собак. К несчастью, трещина оказалась очень узкой, и нарты никак не могли пройти в нее, — они застряли посредине прохода, и путешественники с большим трудом смогли протащить их обратно. Сначала все очень огорчились и не знали, что делать дальше и каким образом переправить нарты через узкий проход.

— Да о чем же я думаю? — воскликнул вдруг Бедфорд. — Ведь у меня среди поклажи есть кирка и небольшой топор. Можно сколоть лед по сторонам и таким образом расширить отверстие.

Так и сделали: разгрузили нарты, нашли нужные орудия, и доктор с Белкиным усердно взялись за работу. Им пришлось немало потрудиться, но зато в конце концов все обошлось благополучно, и собаки смогли протащить сани через узкое отверстие.

Было уже девять часов вечера и решили дальше не идти, а заночевать около ледяных скал. Ночь была теплая, тихая и светлая; американцам, непривычным к северным ночам, казалось, что все еще день. Утомленные долгой дорогой, все скоро заснули, забравшись в нарты. Не спалось только Белкину. Он не захотел стеснять товарищей и улегся пря-

[1] Прибор для определения севера и юга. В нем подвешена магнитная стрелка, которая показывает на север. С таким прибором работают и землемеры.

мо на снегу, неподалеку от нарт, говоря, что ему так удобнее. Глядя в ясное светлое небо, Белкин- вспоминал всю свою жизнь и невольно думал о сегодняшней встрече. Таких девушек он никогда еще не встречал, да и вообще мало общался с женщинами, — все было как-то не до того. Белкин рано лишился отца, служившего механиком на одном из московских заводов. Пришлось бросить учение и самому взяться за работу. Вскоре умерла и мать. Война с Германией застала его девятнадцатилетним мальчиком. В 1915 году забрали в солдаты, затем произошла революция, а потом началась и гражданская война. После Октябрьского переворота ему удалось поступить в школу летчиков и в последние годы гражданской войны он уже отличался как смелый и решительный защитник революции. Вся одинокая жизнь вспоминалась ему сейчас. Эта девушка так ласково говорила с ним, он чувствовал себя с нею так просто и легко. «Какая она простая и хорошая!» — думал он, засыпая.

Утром снова отправились в путь. Снежная равнина кончилась, и теперь они шли или, вернее, быстро катились на лыжах по покатой обледенелой горе. Ледяные скалы часто загораживали путь, и они с трудом пробирались через узкие проходы между огромными глыбами льда. Особенно трудно было провозить нагруженные парты; часто приходилось помогать собакам вытаскивать их на открытое место. Больше всех доставалось доктору Флиту. Обладая необыкновенной силой, он часто тянул на себе нарты и в конце концов совершенно измучился.

— Удивительно! — сказал Торопов, обращаясь к американцам. — Мы все время куда-то катимся. Не понимаю, что это значит!

— Ваша правда, мы именно катимся вниз. Вот посмотрите на барометр[1]. Если хотите знать, так мы сейчас спус-

[1] Стеклянная трубка, запаянная с одного конца, наполненная ртутью и опущенная другим концом в сосуд с ртутью. От давления окружающего воздуха ртуть в трубке держится на известной высоте, которая и по-

тились уже на 125 метров ниже места нашей ночевки, — спокойно ответил Бедфорд, быстро катясь на лыжах по обледенелой горе.

Спуск все продолжался; к вечеру ртуть в барометре стояла еще выше. За день спустились метров на 200. Для ночлега выбрали место поудобнее, поставив нарты между двумя глыбами льда. Утром заметно потемнело, тучи заволокли небо, было похоже, что пойдет мокрый снег или даже дождь. Идти становилось все труднее и труднее: снег прилипал к лыжам и был очень неглубок. Подвигались вперед медленно. Вдали показалась какая-то темная гряда.

— У вас зоркие глаза, Андрей Григорьевич, — обратился к летчику Торопов, — может, вы рассмотрите, что там такое чернеется?

— По-моему, это горы, — ответил тот, наводя бинокль, — только не ледяные, какие мы встречали до сих пор, а просто какие-то холмы, кое-где покрытые снегом.

— Знаете что, — сказал Бедфорд, посмотрев на барометр, — мы спустились еще на 75 метров. Интересно знать, долго ли мы будем катиться вниз!

— Во всяком случае, на лыжах мы не сможем долго идти, — заметил ему племянник, — смотрите, снег кончается, кое-где видна уже земля.

Действительно, с лыжами приходилось проститься: чем ближе они подходили к холмам, тем тоньше становился слой снега.

— Да ведь и нарты нам не провести по земле, — сказал доктор, все время помогавший собакам тащить тяжелые сани. — Что же делать, неужели возвращаться назад? Какая досада! Я уверен, что за этими холмами начнутся самые интересные места.

— Тут так тепло, — отозвался Глинский, — никак не более 1 градуса мороза. При такой температуре могут жить

казывает давление воздуха. При подъеме на гору ртуть опускается, и при спуске вниз подымается.

многие животные, обидно поворачивать назад, когда можно столкнуться с каким-нибудь зверем.

— Кто о чем, а вы, Дмитрий Николаевич, только и думаете о зверях, вас хлебом не корми, а дай полюбоваться на всяких страшилищ. Я помню, как в Московском зоопарке[1] вы возились со змеями и прочей мерзостью, — шутя поддразнил его Торопов.

— Мерзость! Вот тоже сказали! — обиженно возразил зоолог. — Совсем это не мерзость. Если б вы знали, какие это замечательные животные!

— Вот что, товарищи, — предложил Белкин, — нам все-таки следует серьезно подумать, как быть с нартами и лыжами. Дальше идти совсем невозможно.

Все согласились с ним. Неподалеку от холмов сделали привал и обсудили, как лучше поступить. О возвращении назад никто не хотел и слышать: слишком обидно было поворачивать, пройдя с таким трудом через ледяные скалы и потратив столько сил на перевозку нарт.

Оставалось одно: двум из компании остаться на месте, стеречь нарты, кормить собак и дожидаться возвращения товарищей.

Но тут вышло другое затруднение: всем хотелось идти вперед. Чтобы разрешить спор и добиться чего-нибудь определенного, Бедфорд бросил жребий и сказал, обращаясь к племяннику:

— Что делать, Генри! Тебе с Джорджем придется остаться и ждать нас здесь, мне очень жаль, но, видишь, жребий пал на вас.

Генри тяжело вздохнул и грустно посмотрел на Катю. Еще мальчиком он часто гостил в доме Бедфорда и был очень привязан к молодой девушке. С годами дружба перешла в любовь, но только с одной стороны. Катя и не думала об этом. Для нее Генри был другом детства, веселым и милым товарищем, но не больше.

---

[1] Зоопарк — это большой сад, где содержат много диких зверей, как наших, так и привозных.

Выложив поклажу из нарт, путники нагрузили часть на себя, а часть оставили товарищам.

— Ох, однако, тяжело будет тащить! — крякнул доктор Флит, взваливая на плечи складную палатку (вторую палатку оставили Генри и Джорджу, точно так же как и меховые мешки для спанья)[1].

— Нам они не понадобятся, — сказал Бедфорд,— совсем не холодно и без них можно обойтись. Вот ружья и прочее снаряжение так придется взять, мало ли что может случиться!

Запасливые американцы привезли целых пять ружей и достаточное количество патронов, так что хватило на всех. Три ружья взяли с собою, а два оставили товарищам. Провизию также поделили, хотя Генри отказывался брать так много, говоря, что надеется добыть что-нибудь охотой. Вот настала и минута прощанья. Молодой человек долго глядел вслед удалявшимся товарищам, горько жалея о своей печальной судьбе.

Миновав холмы, путешественники вышли на открытую равнину, поросшую мхом и лишайником[2].

— Настоящая северная тундра[3], — заметил Глинский, рассматривая жалкую растительность.

Теперь они уже не катились вниз, а все время поднимались на невысокие мшистые холмы.

«Вероятно, и барометр покажет иное», — подумал Торопов и подошел к Бедфорду, внимательно разглядывавшему высоко стоявший столбик ртути.

— Что же это такое? Решительно ничего не понимаю! — вырвалось у него при взгляде на барометр.

Бедфорд молча пожал плечами. Оказалось, что ртуть все время подымалась, несмотря на более высокую местность.

---

[1] В таких мешках проводят ночи на севере, когда приходится спать на открытом воздухе.

[2] Растения, встречающиеся в холодных странах, например у нас в Сибири.

[3] Поля с вечно мерзлой землей, встречающиеся на севере.

— Вот так штука! Дмитрий Николаевич! Товарищ Белкин! Доктор! Да посмотрите же! — сзывал всех Торопов, показывая на барометр.

Никто ничего не понимал: все знали, что при более высокой местности столбик ртути должен понижаться, здесь же было как раз наоборот. Только Бедфорд все время почему-то улыбался, но отказывался объяснить причину непонятного случая.

Весь день прошел в дороге. Погода была пасмурная, но не холодная, солнце не показывалось, впереди лежала печальная холмистая равнина.

«Пока мало интересного, — думал Глинский, устало и как бы нехотя плетясь за товарищами, — нет никаких животных, кругом одна скучная тундра».

Как раз в этот момент доктор Флит остановился и проговорил взволнованным голосом:

— Смотрите, смотрите, видите — там, на холме!

Зоолог взял бинокль и направил его в указанную сторону. Его глазам представилось странное зрелище: какие-то огромные туши медленно передвигались по холмам. Бедфорд, Катя и Белкин также остановились и смотрели вдаль.

— Надо подойти поближе и посмотреть, что там такое, пойдемте, доктор, только ружье не забудьте, — звал Белкин, на всякий случай заряжая ружье пулей крупного калибра.

— И я пойду, и я пойду с вами, — вскричал Глинский, догоняя товарищей, — что, если это какие-нибудь звери!

Пройдя несколько минут, все трое остановились и опять посмотрели в бинокль. Зоолог так и замер на месте. У подножия небольшого холма, в полуверсте от них, бродили огромные животные, напоминавшие слонов, по покрытые длинной, рыжевато-бурой шерстью.

— Что же это такое? — воскликнул Глинский, — сплю я, что ли? Да ведь ото же мамонты!

Доктор Флит и Белкин удивленно посмотрели на него.

— Да, уверяю вас, товарищи, — волнуясь, говорил тот,— это мамонты, мамонты, которые вымерли на земле пятьдесят тысяч лет тому назад! Куда же это мы попали? Уж не

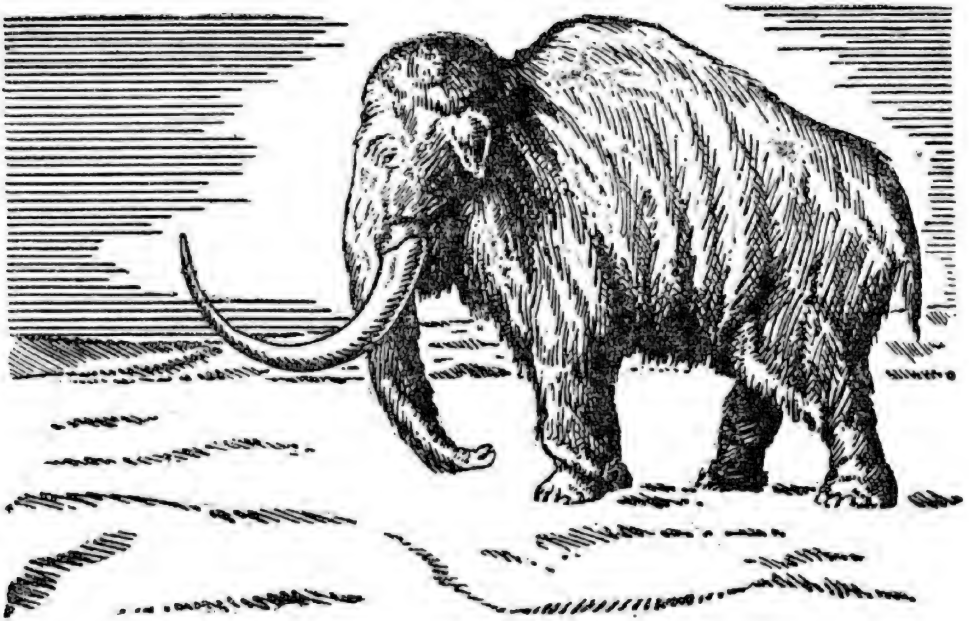


Рис. 2. Мамонт.

с ума ли я сошел? Пойдемте скорее, я хочу поближе посмотреть их.

Наконец, расстояние между людьми и животными настолько уменьшилось, что можно было простым глазом разглядеть огромных слонов. Это были какие-то громадины, действительно очень напоминавшие слонов, только много выше и шире их, покрытые шерстью и с изогнутыми огромными бивнями. Они мирно бродили по холмам, не подозревая о приближении человека. Доктор Флит не выдержал, вскинул ружье и прицелился. Раздался выстрел. В ответ послышался невероятный рев, похожий на звук огромной трубы, и люди увидели, как четыре туши метнулись в сторону и скоро скрылись за холмами.

— Что вы наделали! — упрекал доктора Глинский. — Ну зачем было стрелять, все равно ведь не попали, да, я думаю, что если б и попали, нам бы не поздоровилось. Эти великаны могли бы растоптать нас! Жаль, что вы их спугнули, мне хотелось получше разглядеть их. Не могу понять, как могли мамонты сохраниться здесь?

Возвратившись к остальной компании, они рассказали о встрече с мамонтами. Все очень удивились и сильно жалели, что им не удалось посмотреть огромных животных.

Только Бедфорд сначала сильно задумался, а потом сказал, обращаясь к Глинскому:

— Ничему не удивляйтесь, нам, вероятно, придется встретить не одних только мамонтов. Через несколько дней, а может быть и раньше, я, наверное, смогу многое объяснить вам.

Глинский и на самом деле был очень поражен. Разные мысли мелькали у него в голове. Вспоминался бесконечный спуск, все время вниз и вниз, непонятная история с барометром, затем наконец эти животные, давным-давно исчезнувшие с лица земли! Подойдя к Торопову, он долго беседовал с ним, но тот сам ничего не понимал, и они решили спокойно продолжать путь, надеясь на обещание американца все объяснить через несколько дней.

Близилась ночь, и дальше решили уже не идти. Набрав сухого мха и веток, развели костер, разогрели мясные кон-

сервы и мирно уселись ужинать.

— Как-то наши проводят время? — сказал Белкин, сидя рядом с Катей. — Благополучно ли добрались до аэроплана? Только бы недолго пришлось им ждать помощи, а то запасов у них маловато. Я, знаете, беспокоюсь за Колю —он мальчик славный, только с ленцой немного, ну, да это пройдет. У нас в Советском Союзе ленивым не место.

— Вы, Андрей Григорьевич, должно быть, всех любите и обо всех беспокоитесь, — сказала девушка, ласково глядя на него.

— Ну, не совсем это так, — возразил Белкин, вспоминая годы гражданской войны. — Я не добр, когда нужно для дела!

Слова Кати обрадовали летчика: значит, он ей нравится, если она так думает о нем. И при этой мысли Белкину стало как-то радостно и весело.

Ночь прошла совершенно спокойно. Утром Торопов проснулся первым, вылез из большой складной палатки, которую обыкновенно тащил на себе доктор Флит, и с удивлением увидел, что все вокруг залито каким-то странным, удивительно ярким светом, от которого было больно глазам.

«Это еще что за новость? — подумал он. — Откуда здесь на севере такое яркое солнце? Да что же это? Где же оно?» И геолог напрасно смотрел на небо, нигде не видя солнечного шара, хотя все вокруг сияло от яркого света. Не веря своим глазам, Торопов бросился будить товарищей. Те тотчас же вскочили и были удивлены не менее его.

— В самом деле, где же солнце? — с беспокойством сказал Глинский, — куда оно девалось? Да, по-моему, это совсем и не солнечный свет, а какое-то сияние, происходящее неизвестно откуда. Ой, как больно глядеть! — И он невольно закрыл глаза, не в силах вынести яркого света, лившегося сверху. — Вообще, надо сказать, что я ничего не понимаю, окончательно путаюсь и просто начинаю сходить с ума!

Бедфорд старался всех успокоить, говоря, что скоро постарается объяснить, в чем дело, и просил пока не волноваться понапрасну.

— Вот посмотрите, разве она не молодец! — указывал он на Катю. — Женщина, а крепче вас: ничего не боится и не волнуется даром.

— Я верю вам, дядя, — отвечала девушка, привыкшая с детства звать «дядей» своего приемного отца. — Да и что же волноваться, по-моему, так только интересно, что здесь светит какое-то новое солнце, которого мы не можем видеть.

Понемногу все успокоились и даже стали привыкать к необычному яркому свету. За день прошли не менее двадцати верст, но ничего нового пока не встретилось.

«Хоть бы звери какие попались!» — мечтал доктор Флит, вспоминая свой неудачный выстрел при встрече с мамонтами. Он был завзятый охотник и нарочно ездил из Северной Америки в Южную, чтобы пострелять разных зверей. Белкин также был не прочь поохотиться, но до сих пор не попадалось никакой дичи.

Часы показывали уже восемь вечера, хотя все вокруг по-прежнему было залито ослепительным светом. Путники уже готовились к ночлегу, как вдруг неподалеку послышался звук, напоминавший глухое мычание, и из-за невысоких кустов низкорослой березы показалось несколько больших темно-бурых рогатых животных. Они напоминали наших быков, но были гораздо больше и выше, а рога росли у них, как-то странно загибаясь вверх.

«Должно быть, дикие быки», — подумал Белкин и, зарядив ружье, пошел потихоньку по направлению к животным.

Доктор Флит бросил на землю свою ношу и также последовал за ним. Все остальные с интересом наблюдали за охотниками. Через несколько минут они услышали два выстрела, глухое мычание и топот. Четыре быка с жалобным ревом пронеслись мимо них, взрывая землю сильными ногами, а пятый, молодой бычок, остался на месте. Охотники недаром потратили заряды, им досталась хорошая добыча.

Белкин с доктором с торжеством притащили убитого быка и все долго его рассматривали.

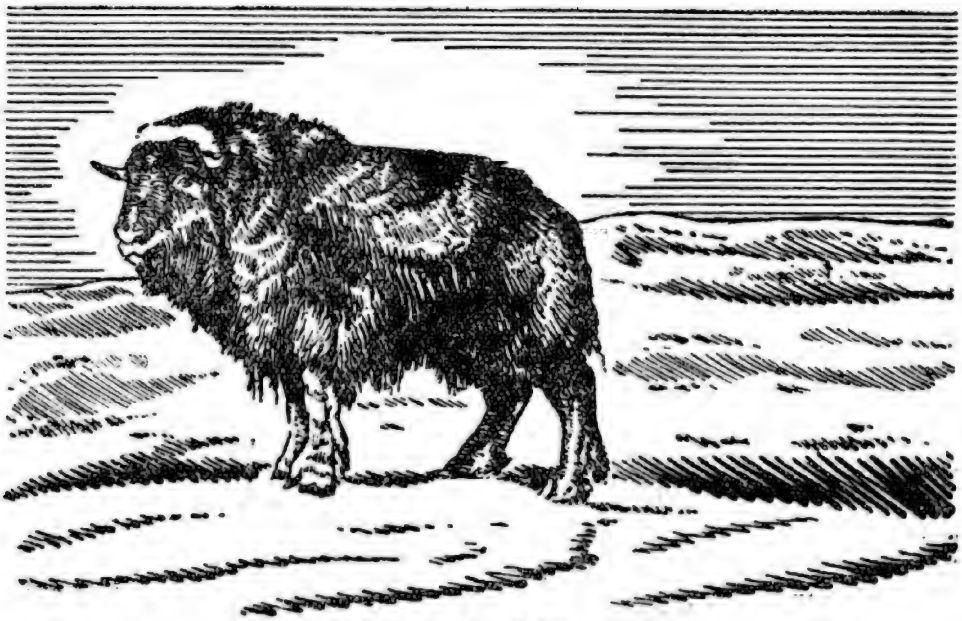


Рис. 3. Дикий бык.

— Такие быки жили на земле в одно время с мамонтами, — объявил Глинский, внимательно осмотрев убитое животное. — Кто знает, может быть, мы встретим здесь и других давно исчезнувших зверей. Я больше ничему не удивляюсь, слишком много непонятного на этой странной земле.

Однако на следующее утро зоолог снова вышел из себя и настойчиво просил Бедфорда как-нибудь объяснить непонятные явления. В продолжение двух последних дней они все время поднимались вверх, идя по довольно высоким и крутым холмам, но барометр показывал дальнейший подъем ртути. Кроме того, все чувствовали какое-то удушье, хотя было всего несколько градусов тепла. Местность сильно изменилась: все чаще и чаще попадались кустарники и даже деревья — ели, пихты, низкорослые березы и ольха. Под ногами зеленела редкая невысокая травка, какая бывает у нас в Сибири в весеннюю пору.

Проходя мимо густой ольховой заросли, путники были испуганы сильным треском и шумом: казалось, кто-то ломился к ним, все сокрушая на своем пути. Треск все усиливался, послышалось фырканье, и на лужайку выскочил огромный неуклюжий зверь, покрытый длинной серовато-бурой шерстью. Маленькие глазки злобно сверкали, а на конце морды торчали два рога: один довольно длинный, а другой покороче. Сначала все остолбенели, а Глинский совсем обезумел:

— Носорог! Сибирский носорог! — кричал он в восторге. — Он также жил в одно время с мамонтами и дикими быками и вымер много тысяч лет тому назад, а мы видим его живым! Да что же это такое? — И неосторожный зоолог, забыв об опасности, чуть было не бросился навстречу зверю.

А между тем носорог сначала остановился, а потом, злобно фыркая, кинулся прямо на Белкина, стоявшего впереди всех. Катя слабо вскрикнула и побледнела, но в эту минуту раздалось два выстрела, и носорог грузно повалился набок. Доктор Флит и Бедфорд вовремя заметили опасность и выручили товарища.

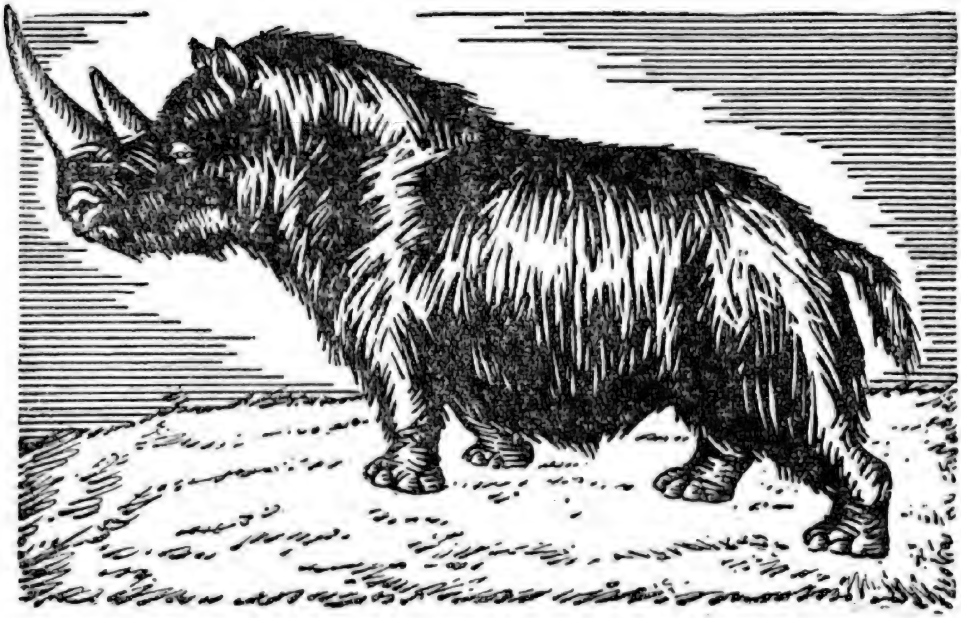


Рис. 4. Шерстистый носорог (сибирский).

— Хорошо, что ружья у нас заряжены крупной пулей, — сказал доктор, подходя к издыхающему зверю, — а то плохо бы вам пришлось!

— Да, неважно, — ответил летчик, разглядывая страшные рога животного.

— Вы как хотите, а рога я беру себе, — решительно заявил Глинский, — ведь только подумать, — древний ископаемый[1] носорог!

Вечером, сидя около костра, все только и говорили об этом происшествии. Белкин горячо благодарил американцев, спасших ему жизнь, а Катя радостно смотрела на него, и от этого взгляда ему делалось тоже весело и радостно.

Несмотря на позднее время (было уже около одиннадцати часов вечера), кругом не делалось темнее, казалось лишь, что свет немного потускнел и сделался менее ярким.

— Что же это? Неужели так и не будет ночи? Неприятно, однако, спать при таком освещении, так и кажется, что все еще день! — говорили друг другу путешественники, собираясь ложиться спать.

— Не могу я этого вынести! Как угодно, профессор, а вы должны наконец сказать нам, что вы об этом знаете, — пристал к Бедфорду Торопов. — Все здесь не по-настоящему, это какая-то странная земля. Мы идем в гору, а давление воздуха не понижается, а все время повышается, водятся давно вымершие звери, солнца здесь не видно, а откуда-то исходит ослепительный свет, ночи никогда не бывает и на ясном небе никогда не показывается луна. Наконец, я нашел сегодня обломок камня, совершенно похожий на те, из которых люди делали когда-то свои каменные ножи и топоры[2]. Мне и приходит в голову, что мы находимся не на земле, а под землей, где вся жизнь идет по-другому. Неда- ром мы три дня катились в какую-то бездну.

---

[1] Ископаемые животные — животные, давно исчезнувшие, кости которых находят в земле.

[2] Много тысяч лет тому назад люди в Европе делали оружие из камня (они еще не знали железа и других металлов).

— Наконец-то вы договорились до дела, — отвечал ему американец, — я нарочно не хотел объяснять вам. Мы на самом деле находимся не на земле, а спустились внутрь земного шара, где живыми сохранились животные, когда-то обитавшие на поверхности земли. Я не знаю, откуда идет этот свет, но греет и светит он не хуже солнца, — иначе здесь не было бы животных и растений.

— Но как же вы узнали, что можно попасть сюда? — опять спросил Торопов.

— Ну, об этом после, сейчас долго рассказывать. Я обещаю все объяснить вам по возвращении на землю, — ответил ему старый профессор.

Геолог передал товарищам слова Бедфорда и его обещание рассказать обо всем по окончании путешествия.

— Теперь я понимаю, теперь все ясно! — весело говорил Глинский. — Можно ожидать, что далее мы встретим еще более древних животных, существовавших на земле еще до появления человека. А вот будет забавно, если нам встретятся и люди, жившие в одно время с мамонтами и сибирскими носорогами!

Однако в следующие дни им не попалось никаких древних животных, если не считать огромных диких кабанов, на которых доктор с Белкиным устроили настоящую охоту, доставив всем к ужину хорошее кушанье.

Последняя охота была особенно интересна. В Белкине проснулся старый охотник: вспомнились леса Минской губернии, где ему приходилось бить кабанов.

— Знаете, — рассказывал он Торопову, — охотился я там с двоюродным братом. Гостил как-то раз у них в деревне. Большие там кабаны, а все не чета этим, тех я не боюсь, ну а этих, признаться, немного струсил.

Да и было чего испугаться. Доктор Флит неудачно подстрелил огромного кабана, и раненое животное, рассвирепев, кинулось на Белкина, не успевшего даже спустить курки. Летчик спасся только тем, что вовремя выхватил охотничий нож и всадил его в сердце зверя раньше, чем кабан успел распороть ему живот своими острыми клыками.

— У нас в Минской губернии, — рассказывал он товарищам, — охотники, идя на кабана, надевают на живот особенный широкий и толстый пояс, кабан все не так скоро проколет клыками. При мне один так от смерти спасся.

Белкин недаром вспомнил леса Минской губернии. Многое напоминало ему о них. За последние дни они далеко ушли вперед и очутились теперь в лиственном лесу. Со всех сторон поднимались высокие дубы, буки, клены и вязы; земля была покрыта мягкой и сочной травой. Лес часто сменялся лужайками, где путешественники встречали целые стада красивых коричневых козочек и небольшие табуны низкорослых диких лошадей. Доктор с Белкиным не раз пытались поймать такую лошадку, но это им никак не удавалось. Пугливые животные не подпускали человека приблизиться к себе и моментально убегали, почуяв малейшую опасность. За охотой и разговорами время шло быстро. После их отправления прошло уже около трех недель. В воздухе становилось все теплее и теплее. Нередко было до 20 градусов тепла, и путешественники не разбивали палатки, а часто ночевали под открытым небом. Както вечером они сделали небольшой привал неподалеку от ручейка, протекавшего рядом, и мирно беседовали, закусывая свежеподжаренным мясом козы. Вдруг на лужайку прямо против них выбежал великолепный большой олень с удивительно красивыми развесистыми рогами. Олень, видимо, был чем-то испуган и быстро несся вперед. Все привстали и, бросив еду, следили за красивым животным. Но вот послышалось мяуканье и злобное ворчанье и вслед за оленем на лужайку выскочил невиданный зверь, похожий на тигра, но цветом шерсти скорее напоминающий льва. Из полуоткрытой пасти животного торчали два огромных страшных клыка. В несколько прыжков хищник настиг свою добычу и начал расправляться с ней.

Но охотники не дремали. Белкин с доктором, скрываясь за деревьями, подкрадывались к свирепому зверю. Тигр увлекся едой и ничего не замечал. Но вот сразу грянули два выстрела, и зверь, зарычав от боли, бросил добычу и кинулся на врага. Он летел так быстро, что охотники

Рис. 5. Саблезубый тигр (махайрод).

не успели еще раз выстрелить и очутились лицом к лицу со страшным зверем. Когти тигра впились в плечо доктора и глубоко поранили его, но, к с частью, в эту минуту раздался новый выстрел, и зверь повалился на землю с кровавой пеной у рта.

Бедфорд, беспокоясь за охотников, поспешил к ним на выручку и поспел как раз вовремя. Доктор Флит, бледный, как полотно, зажимал руку носовым платком и тихо стонал от боли.

— Вот так зубы! Прямо кинжалы какие-то! — шутил Белкин, немного оправившись от испуга. — Не особенно приятно попасть в лапы к такому зверю. Я никак не думал, что у тигров бывают такие длинные зубы, да и шерсть у него не полосатая.

— Правда ваша! —сказал подбежавший зоолог. — Только это не простой тигр, такие теперь не водятся у нас на земле. Это — давно исчезнувший саблезубый тигр. Ученые зовут его «махайрод». Я, помню, читал о нем, как о самом большом разбойнике древних лесов. Теперь мы на деле убедились, что это так. Вот радость! Я возьму себе его страшные зубы. По крайней мере, будет чем похвастаться!

Полюбовавшись на шкуру убитого зверя, охотники подошли к растерзанному оленю.

— Вот рога, так рога!—восхищался Белкин. — Скажите, Дмитрий Петрович, таких больших оленей у нас ведь тоже теперь не водится?

— Да, ответил Глинский, — по-моему, этот олень жил в одно время с махайродом. — Это — олень-великан.

III. НЕВИДАННЫЕ ЗВЕРИ

Еще два дня прошло в дороге. Погода была теплая и ясная; на пути попадалось так много интересного, что невольно забывалась усталость и трудности путешествия. Все

весело и бодро шагали вперед. Только Бедфорд беспокоился за Катю и часто спрашивал, не очень ли она утомилась.

— Что вы, дядя! — отвечала та. — Да разве можно устать, когда кругом такая прелесть! Вон, посмотрите, какие красивые полосатые лошадки пасутся там на лужайке. Да это, кажется, зебры!

Действительно, на лужайке бродило несколько красивых полосатых животных.

— Да, это зебры, — сказал Торопов. — Смотрите, вон еще подходят. Как их тут много!

— Нет, это не зебры! — вскричал подошедший Глинский. — Это вовсе не зебры, у них меньше полос, да и вообще они больше похожи на ослов.

Как раз в это время один ослик, чего-то испугавшись, бросился в сторону и пробежал совсем близко от них.

— Да ведь это трехпалая лошадь! — в восторге кричал зоолог. — Я успел разглядеть, что у нее на ногах целых три копыта, а у зебры только одно. «Гиппарион» — очень древнее животное. Одно время ученые считали его родоначальником нашей лошади, но это но совсем так. Правда, у предков лошади тоже когда-то было целых три копыта, потому что было три пальца. Потом от них остался лишь один средний; на один ей легче опираться и удобнее бегать. Но «гиппарион» скорее похож на осла, а не на лошадь.

— Кто знает, может быть, нам удастся увидеть еще более древних зверей. Чем дальше мы идем, тем больше встречаем разных никогда не виданных, давно вымерших животных, — ответил ему Бедфорд и прибавил, смеясь: — А все же, я думаю, что все очень устали и не прочь повернуть обратно.

— Меня только силой можно потащить назад! — горячо возразил зоолог. — Я так давно мечтал побывать в Англии и Америке и посмотреть в музеях богатые собрания скелетов когда-то живших древних зверей, а сейчас я вижу их живьем, как же тут не радоваться!

Предсказание старого профессора скоро исполнилось. Чем дальше шли путешественники, тем чаще и чаще стали

Рис. 6. Трехпалые лошади.

попадаться им разные невиданные звери. Однажды во время стоянки Белкин пошел немного побродить и неожиданно наткнулся на большого страшного зверя, вырывавшего из земли корни какого-то растения. У зверя была длинная острая морда, острые торчащие уши, неуклюжее, покрытое шерстью тело и очень сильные когтистые лапы, которыми он ловко работал, разрывая твердую землю. Летчик долго наблюдал за ним и видел, как животное с удовольствием пожирало выкопанные корни и обрывало зелень на кустах. Вернувшись к своим, Белкин передал Глинскому о своей встрече.

— По-моему, это очень древний зверь, — сказал тот, подумав, — жаль, что я не был с вами.

В тот же день Торопов и Бедфорд, сильно подружившиеся за последнее время, заговорились и немного отстали от других. Вдруг Бедфорд остановился и сказал, показывая направо:

— Смотрите, Борис Петрович, что это там за деревьями?

— По-моему, это слон, — ответил Торопов, — видите, вон и второй.

— Слон-то слон, — продолжал американец, — да только какой слон, разглядите его хорошенько!

И в самом деле, вглядевшись, Торопов увидел очень странного слона. Туловище было очень длинное, хобот необыкновенно толстый и короткий, а по бокам с каждой стороны торчало по два толстых бивня.

— Это что-то вроде древнего мастодонта, родоначальника теперешних слонов, — сказал он наконец. — Видите, у них по четыре клыка.

— Странные вещи бывают на свете! Ведь мастодонты жили на земле несколько миллионов лет назад. Прямо как в сказке: видим наяву давным-давно исчезнувших зверей.

Между тем мастодонты мирно ощипывали короткими хоботами зелень на деревьях и, по-видимому, чувствовали себя прекрасно. Только когда Бедфорд нечаянно громко чихнул, они подняли головы, посмотрели своими маленькими глазками и вдруг пустились бежать, ломая на своем пути кусты и молодые деревья.

Рис. 8. Мастодонты.

— Эти громадины совсем не опасны, — проговорил американец, глядя вслед убегавшим великанам, — разве только задавить могут, если попадешься на дороге, но я боюсь, что скоро нам может прийтись плохо от других зверей. Надо устроить ночные дежурства, а то, пожалуй, утром можно недосчитаться одного из товарищей.

— Вы правы, — согласился Торопов, вспомнив о встрече с саблезубым тигром, — нам, наверно, попадутся и другие хищники.

Догнав товарищей, они застали их в большой тревоге. Особенно волновалась Катя. Все слышали сильный треск в лесу и, не видя Бедфорда с Тороповым, боялись, что на них напал какой-нибудь страшный хищник.

Ночью в первый раз устроили дежурства. Первым вызвался сторожить доктор. Рука его немного зажила, и он уже был в состоянии держать ружье. Однако против ожидания ночь прошла совершенно спокойно, только раз поблизости послышался неприятный, похожий на хохот крик, и доктор заметил двух гиен, подкрадывающихся к лагерю.

«Видно, почуяли падаль, подлые твари!» — подумал доктор, вспомнив, что неподалеку валялись шкура и кости убитого ими дикого осла.

И он не ошибся: три противных остромордых зверя, с торчащими ушами и довольно длинной полосатой шерстью, подкрались, стащили кости и убежали глодать их в более укромное место.

Подвигаясь все дальше и дальше, путешественники вскоре стали очень страдать от жары, так как никогда не чувствовалось прохлады. Вместо перелесков с лужайками начался настоящий лес с большими красивыми деревьями. Тополя, лавры, кипарисы и другие вечнозеленые деревья, встречающиеся у нас в Крыму, на Кавказе и в других жарких местах, заменили здесь дубовые и буковые рощи. Попадались красивые высокие папоротники в рост человека и выше, цепкие лианы[1] обвивали стволы деревьев.

[1] Вьющееся растение.

Рис. 9. Гиены.

— Так и кажется, что мы в какой-то южной, жаркой стране, смешно даже подумать, что еще так недавно мы пробирались через вечные льды, — говорил Кате Белкин.

Та согласилась с ним. За время путешествия их дружба все росла и росла. Летчик сильно нравился девушке. Он был совсем другой, непохожий на тех, кого она встречала раньше. И жизнь у него была такая интересная. Больше всего нравилась ей его смелость и твердость. «Этот ни перед чем не отступит и не струсит перед опасностью, — думала она, смотря в спокойные серые глаза летчика. — У него взгляд такой смелый и решительный, на такого человека можно положиться!»

А между тем этот человек, такой спокойный и смелый на вид, смущался и робел перед красивой молодой девушкой, так ласково и приветливо обращавшейся с ним. Он чувствовал, что начинает сильно привязываться к ней и боялся этого чувства. Возможность любви со стороны Кати казалась Белкину невероятной: она выросла совсем иначе, там у них, в Америке, иная жизнь; конечно, она русская, и сама говорит, что любит Россию, ну а все же лучше не думать об этом.

Старый профессор тоже замечал, что Катя с Белкиным очень подружилась, и думал про себя: «Ну, что же, вырастил ее, воспитал, а скоро, пожалуй, придется и расстаться. Он человек хороший, такие теперь нужны в России, не размазня какая-нибудь!» — И Бедфорд невольно вспоминал своего умершего ученика и друга, которому так и не пришлось вернуться на родину. Его размышления прервал Торопов, в эту минуту подошедший к нему.

— Посмотрите, профессор, какой там урод пробирается, — проговорил он, указывая на довольно большого зверя с тупой вытянутой мордой, длинными передними и короткими задними ногами, пробиравшегося через заросли лиан. — А как он забавно работает!

Зверь встал на задние лапы, передними, как руками, нагнул к себе молодое деревце и начал объедать сочную зелень.

— Это родственник того, что встречался раньше, — объяснил всем Глинский, — только этот еще древнее, его зовут...

— Мы бы совсем без вас пропали, Дмитрий Николаевич, — засмеялся Торопов, — всех-то вы зверей знаете. Как только у вас в голове помещается!

— Нечего смеяться, — обиделся тот, — я ведь не смеюсь, когда вы с профессором рассматриваете разные камни и глину. Каждому свое, батюшка!

— Ну, вот и обиделся! — огорчился Торопов. — Смотрите как покраснел! Да будет вам, не сердитесь !

Глинский действительно рассердился. Его бледное лицо покраснело, близорукие голубые глаза смотрели сердито и недовольно. Ему надоели постоянные шутки товарища, он так любил всяких животных и не понимал, над чем тут смеяться.

— Ну, не буду больше, — извинялся Торопов. — Я ведь просто так, не хотел вас обидеть. Вы так любуетесь всеми зверьми, что мы с Бедфордом боимся за вас. Что же с вами будет, если мы пройдем дальше и увидим еще каких-нибудь новых чудовищ. Вы от радости, пожалуй, совсем помешаетесь!

Эти слова рассмешили зоолога, и ссора была забыта. К вечеру того же дня опять встретились с мастодонтами. На этот раз удалось довольно долго наблюдать их. Огромные животные с наслаждением пили воду из небольшого лесного озерка.

— У этих хобот еще короче, — заметил Торопов, приглядевшись к животным.

— Да, по-моему тоже, — согласился с ним Бедфорд. — Спросим у Дмитрия Николаевича, он рад будет поговорить о зверях.

Глинский и в самом деле был рад поговорить. Он совершенно забыл о насмешках товарища и долго рассказывал всем, что эти мастодонты древнее виденных раньше, поэтому и хобот у них короче.

— Видите, какие у них длинные бивни, хобот много короче, и им очень неудобно рвать им листья и другую зелень, бивни все время мешают. Постепенно из рода в род

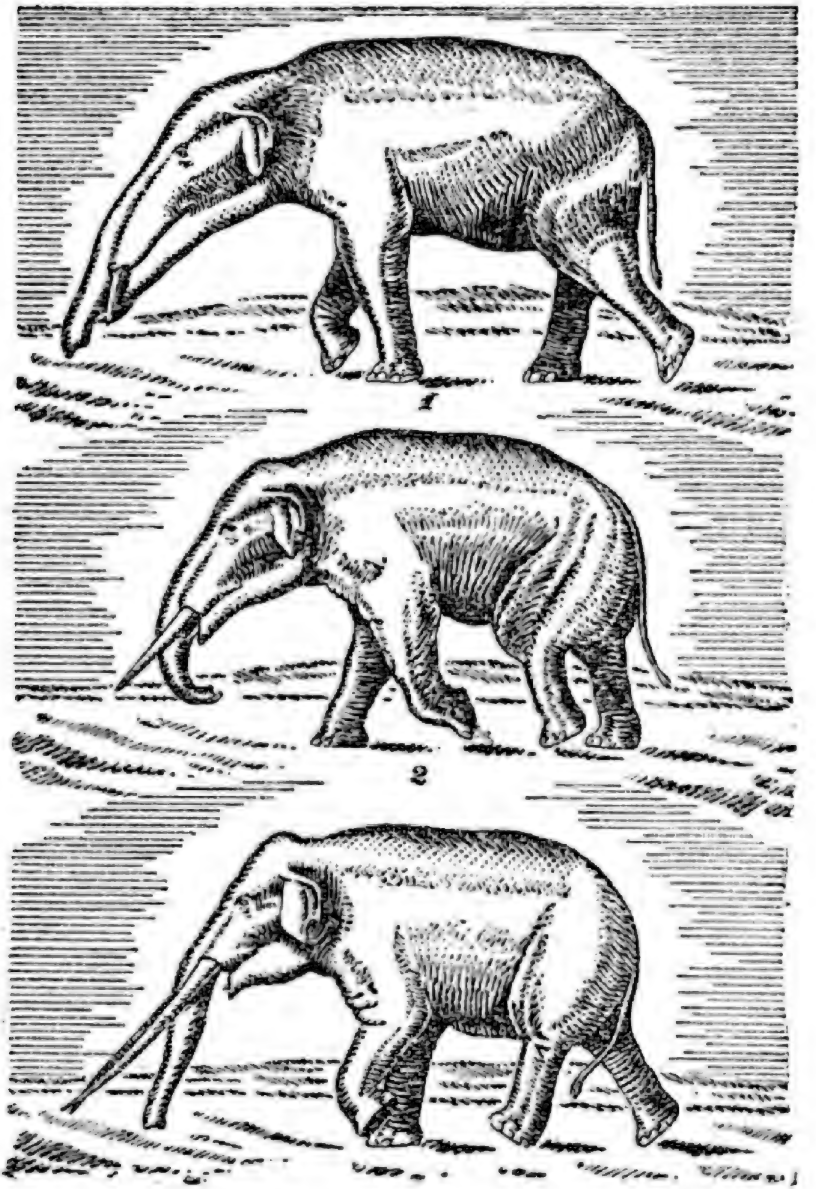


Рис. 10. Так из мастодонтов произошли слоны.

хобот у этих животных вытягивался да вытягивался, пока не стал таким длинным, как у теперешних слонов, а одна пара бивней выпала, — закончил он свои объяснения. —Так из мастодонтов произошли слоны.

IV. ОЗЕРО ЧУДОВИЩ

Идя рядом с Белкиным, Катя невольно любовалась огромными папоротниками с красивыми вырезными листьями, стройными финиковыми пальмами и другими никогда не виданными деревьями и растениями. Из зарослей папоротника нередко слышалось шипение и показывалась противная змеиная голова, а по деревьям прыгали небольшие обезьяны разных пород и при виде людей быстро исчезали в ветвях. Было очень жарко и душно. Все казалось раскаленным под ослепительно яркими лучами невидимого палящего солнца.

— Вот жара-то! — проговорил Белкин. — Парит, словно перед дождем.

— Да, особенно когда тащишь такую тяжесть, — в пер-0вый раз пожаловался доктор Флит.

До сих пор он безропотно тащил на себе складную палатку и запасы провианта, а каждый из путешественников нес только свои собственные теплые вещи, которые были совсем не нужны в этой жаркой стране.

— А право, кажется, будет дождь, — заметил Торопов, поглядев на потемневшее небо. — Смотрите, вон какая туча!

И в самом деле, стало темнее, и путешественники с радостью заметили, что небо подернулось дымкой. Поднялся ветер, деревья закачались и зашумели. Они разбили палатку под ветвями большого дерева и решили переждать дождь. Вскоре послышался страшный шум, и палатка закачалась от ветра.

Рис. 11. Предок слонов.

— Вот так ливень! — говорил Глинский. — Пожалуй, и нашу палатку пробьет. Слышите, как шумит, словно все рушится вокруг!

Но ливень был непродолжительным: через несколько минут небо очистилось, откуда-то снова полились яркие лучи света и быстро обсушили землю. Все же дышать стало легче, и вся компания с новыми силами отправилась в путь.

— Знаете что, — сказал вдруг доктор, заведовавший провиантом, — а ведь провизии у нас осталось мало, пожалуй, не хватит на обратный путь, да и дичи, как назло, почти не попадается. Что ж будем делать? Придется поворачивать назад.

Все запротестовали и решили лучше сократить дневную порцию и питаться фруктами (бананами и финиками[1]), но все-таки продолжать путь. Прошло еще несколько дней. Лес сильно поредел, большие деревья попадались реже, зато было много огромных папоротников и хвощей.

Жара была страшная, и путники подвигались вперед медленно.

— Ах, хорошо бы выкупаться! — мечтал Белкин.

— Да, неплохо, — согласились с ним остальные,— ведь уж сколько дней нам не встречалось ни одного озерка!

Весь день промучились на нестерпимой жаре, но зато к вечеру перед ними открылось огромное озеро с мутновато-зеленой водой. По берегам росли различные кустарники, а в воде виднелось много водорослей.

— Это что-то вроде большого болота, — сказал Торопов. — Смотрите, какая топкая почва, ноги так и вязнут. Не очень-то приятно здесь купаться, — на дне, наверно, много ила.

— Ах, какие красивые цветы, напоминают наши речные лилии! — воскликнула Катя, указывая на большие белые цветы, растущие неподалеку от берега.

---

[1] Банановые и финиковые деревья растут в жарких (тропических) странах; их плодами питаются тамошние жители.

— Хотите, Екатерина Владимировна, я достану вам эти цветы, — вызвался Белкин и, не раздеваясь, вошел в воду.

Вдруг вода заволновалась, и на поверхности показалась страшная разинутая пасть. Катя в ужасе вскрикнула, а Белкин тотчас же вылез на берег. Между тем чудовище нырнуло обратно в воду, и через несколько минут его страшная морда показалась уже несколько дальше от них.

— Ну нет, здесь купаться нельзя! — сказал Глинский, обращаясь к товарищам. — Это что-то вроде крокодила. Я полагаю, их тут немало. Эти хищные гады любят ютиться в таких топких местах. Да вон, смотрите! — указал он на какое-то зеленовато-серое бревно, видневшееся неподалеку от берега.

— Что вы, Дмитрий Николаевич, да ведь это просто ствол дерева! — возразил ему Белкин.

— Попробуйте влезть в воду рядом с этим стволом, так узнаете, что это такое! — ответил ему зоолог и, подняв камень, бросил его в «бревно». — Видите теперь, какой это «ствол дерева»! — смеялся он над летчиком. — Я попал метко, крокодил сразу уполз в воду.

— Смотрите, смотрите, вон еще! — вскричала Катя. — Вон этот, какой смешной, как неуклюже поворачивается!

Действительно у берегов озера, в зарослях болотной травы и водорослей, нередко показывались длинные зеленовато-серые крокодиловые морды.

— Неспокойное здесь место, — заметил Бедфорд, — лучше поскорее убраться отсюда, того и гляди попадешь в пасть этим чудовищам.

Все согласились с ним, только Глинский недовольно заворчал, говоря, что ему хотелось бы побродить по берегам озера.

— Подумайте только, — убеждал он товарищей, — ведь мы сейчас находимся в самых интересных местах: такие крокодилы водились на земле в незапамятные времена, вместе с огромными черепахами и другими интересными животными. Как не понять, что мне хочется увидеть их живьем!

— Ну хорошо, будь по-вашему! — согласился Бедфорд. — Мы можем побыть здесь еще денек, только нужно по-

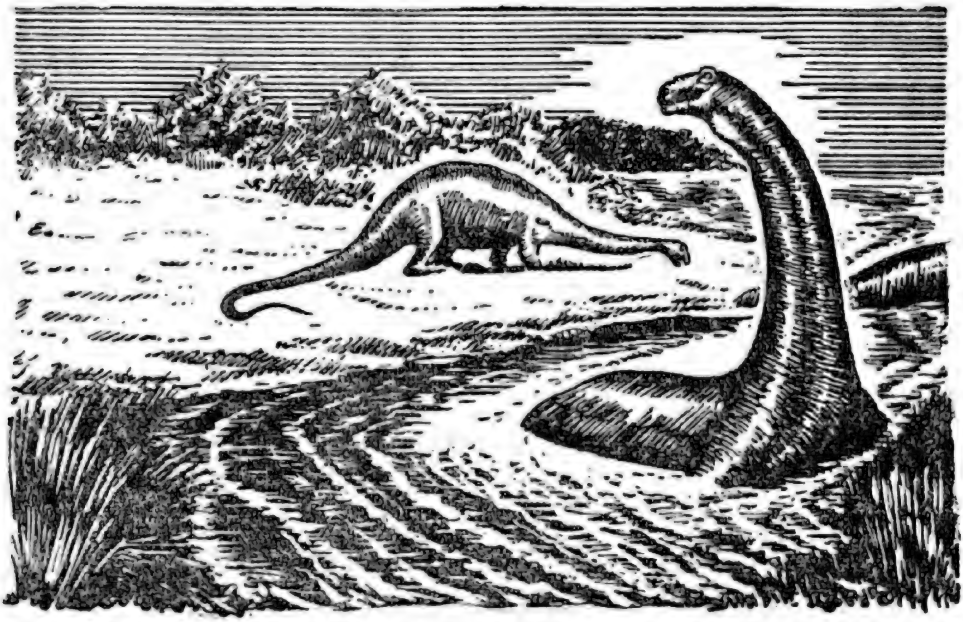


Рис. 12. Страшные животные, водившиеся в древние времена раньше крокодилов и огромных черепах.

дальше отойти от озера.

Так и сделали. На ночлег расположились довольно далеко от берега, раскинув палатки в тени саговых пальм[1].

Утром, пока все еще спали, Глинский вышел из палатки и направился к озеру. Он шел задумавшись, вспоминая все виденное в пути и мечтая о встречах с новыми невиданными зверями. Вдруг послышался какой-то шорох. Зоолог невольно насторожился и прислушался. Шорох послышался уже ближе, и вдруг из соседних кустов прямо на него вылезло какое-то чудовище, напоминавшее огромную черепаху. Оно приближалось к оторопевшему зоологу, перебирая короткими толстыми лапами. «Гигантская хищная черепаха! — мелькнуло у него в голове. — Надо удрать, а не то будет плохо!» — И Глинский, повернувшись, бросился назад к палатке.

— Что с вами, Дмитрий Николаевич? — с удивлением спросил его Торопов. — Что вы так запыхались?

— Да, запыхаешься! — ответил тот, еле переводя дух. — Едва удрал от огромнейшей хищной черепахи.

— Вот как! И вам досталось! Все мечтали о встречах с разными чудовищами, поделом вам, не будете больше просить подольше оставаться в этих местах, — издевался над ним Торопов.

— Жаль, что меня не было, — заметил доктор Флит, — я вам бы подстрелил ее, хорошее было бы жаркое!

— Вы не видели, — ответил Глинский, — у нее такой толстый щит, что, пожалуй, и пуля не возьмет. А голова маленькая и очень противная. Глаза злые... Мне так и представляется, как она бросилась за мной!

— Вы так и не знаете, куда она делась? — спросил его Белкин.

— Нет, я так испугался, что даже и не оглядывался назад, очень уж неприятно погибнуть от такого противного

---

[1] Саговые пальмы и теперь растут в жарких странах. Из их сердцевины берут мякоть, которая у нас известна под названием «саго».

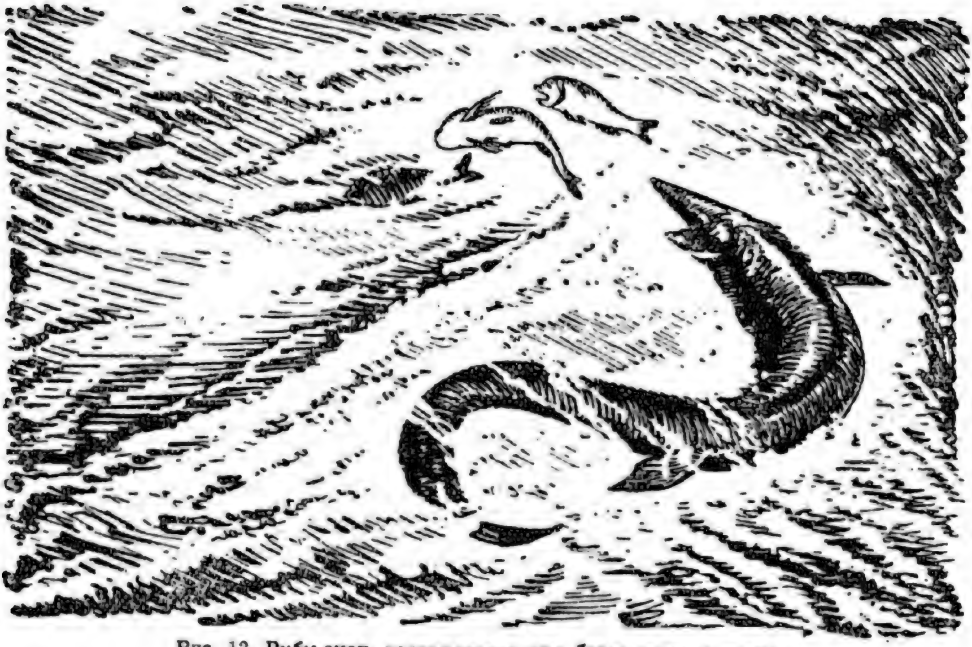


Рис. 13. Рыбы-змеи, водившиеся в еще более древнее время.

животного, — ответил зоолог, вспомнив о вертящейся голове черепахи.

Посмеявшись над приключением Глинского, путешественники понемногу успокоились и начали обсуждать, что делать дальше.

— Знаете что, — сказал Бедфорд, — как ни жаль, а придется повернуть назад. Провизии мало, да и идти дальше трудно, почва болотистая, того гляди завязнешь.

Все согласились с ним, а зоолог возразил:

— Ничего не значит, что здесь сыровато, дальше, наверно, будет суше, как-нибудь проберемся.

— Как? Неужто вам не довольно? — спросил его Торопов. — Еле спасся от страшной черепахи, бежал так, что только пятки сверкали, а туда же — идти вперед!

Глинский не на шутку рассердился.

— Мало ли что! — сказал он обиженно. — Я уверен, что и вы испугались бы не меньше, а все же мне хочется идти дальше.

Белкин и Катя молчали. Им было решительно все равно — идти дальше или же вернуться назад, лишь бы только не расставаться. Они ничего не сказали друг другу о своей любви, но оба чувствовали себя удивительно счастливыми и не думали о том, что будет дальше.

Несмотря на протест зоолога, было решено отдохнуть немного и с новыми силами пуститься в обратный путь.

— Знаете что? Надо побродить поблизости и поискать, нет ли где хоть маленького ручейка, — предложил Белкин, — очень уж хочется выкупаться, а угодить в пасть крокодилам не особенно приятно. — И с этими словами он вышел из палатки.

Прошло с полчаса. Вдруг неподалеку послышался выстрел.

— А ведь это Белкин стреляет, — заметил Торопов. — Видно, наткнулся на какого-нибудь зверя.

Доктор Флит также насторожился и, схватив ружье, быстро пошел в сторону выстрела. Катя встревожилась. «А что, если с ним случилось несчастье, — думала она с беспокойством, — мало ли здесь всяких чудовищ!»

Но опасения ее были напрасны. Через некоторое время оба охотника входили уже в палатку, таща с собой добычу. Это было странное небольшое животное, величиной с жеребенка, с длинной мордой, маленькими стоячими ушами и тремя пальцами на сильных крепких йогах.

— Что это за зверь? — спросил Торопов зоолога, внимательно рассматривавшего убитое животное.

— Это очень странное животное, — ответил Глинский. — Судя по морде, это — дальний родственник носорога, хотя и не похож на него. Нам пришлось видеть только сибирского, а ведь их было очень много. Жаль, что мы не встретили других носорогов, живших в разные времена и развивавшихся постепенно из небольших животных.

— Вот и жаркое обеспечено! — радовался доктор Флит. — Удачно вы его подстрелили, Андрей Григорьевич!

— А я ведь нашел небольшое озерко, — объявил летчик. — Перед обедом можно будет выкупаться.

Все обрадовались и решили, покинув опасные места, перенести палатку поближе к маленькому озерку.

День провели великолепно; выкупались, сытно пообедав, устроились на ночлег и спокойно заснули, забыв о страшных крокодилах и черепахах.

V. В ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Утром опять выкупались, закусили жареным мясом и, набравшись новых сил, собрались в дорогу.

«Как-то наши поживают? — думал старый профессор, вспоминая оставшихся товарищей. — Бедный Генри, ему так не хотелось оставаться, да оно и понятно. Тяжело ему будет узнать, что его названная сестра не вернется в Америку».

Во время стоянки Катя сказала Бедфорду о своем будущем браке с Белкиным. Она очень благодарила приемного отца за его заботы, но иначе поступить не могла. Ее давно тянуло в СССР, а теперь ее ждала там жизнь с любимым

Рис. 14. Это было странное небольшое животное.

человеком. Летчик долго не решался признаться ей, хотя за последнее время был почти уверен, что она также его полюбила. Но вот однажды, когда вся компания проводила время за мирной беседой, он позвал Катю немного пройтись.

— Так как же, Екатерина Владимировна, через день тронемся обратно, в дороге время пролетит, а там скоро придется нам и расстаться. Когда-то еще увидимся! Я не особенно верю, чтобы вы приехали в СССР: там у вас, в Америке, другая жизнь, не захочется ехать в нашу страну!

Катя покраснела и молча смотрела на него. Ее красивые карие глаза наполнились слезами, и она не могла выговорить ни слова.

— Нет, Андрей Григорьевич, — наконец произнесла девушка,— я не намерена возвращаться в чужую мне страну. Я решила ехать в СССР и работать над строительством новой жизни. В СССР люди нужны, нужнее, чем в Америке. У меня есть кое-какие знания, не думайте, что я белоручка, я тоже умею работать, да и кроме того... — Тут ее голос оборвался и она чуть было не расплакалась.

Договаривать было не нужно: Белкин понял ее волнение, понял, что она хотела сказать.

— Значит, вместе, Катя, вместе! — повторял он, не помня себя. — Значит, вы меня любите, да? А я ведь мечтать не смел о таком счастье! Да полно, уж не спится ли мне? Право, все это словно сон: наша встреча, эта удивительная страна, страшные невиданные животные, наконец, такое невероятное счастье! Так и кажется — проснешься и ничего этого нет!

Возвращались весело. Торопов и Бедфорд записывали все приключения и встречи с интересными животными и собирали обломки камней, а Глинский ловил разных невиданных жуков и других насекомых. Он часто жаловался на усталость и просил товарищей помочь тащить тяжелую ношу.

— Ну, вот еще! — издевался над ним Торопов. — Набрал всякой гадости, а теперь жалуется. Охота вам тащить клыки саблезубого тигра и разные другие штуки! Я еще пони-

маю, что вы тащите его шкуру, ну а остальное можно и бросить.

Зоолог сильно обижался на подобные насмешки, сразу замолкал и, кряхтя, тащил по жаре свои сокровища. Однако с каждым днем идти становилось легче. Снова увидели они густой лес, кишащий зверями и насекомыми, и нашли прохладу в тени зеленых ветвей.

— Приятно здесь идти, — говорил Белкин, — зелень-то, зелень какая! Красота!

— Да, — отозвался Глинский, — здесь, конечно, красивей, но зато там интересней — что ни шаг, то новое чудовище!

— Помните, как вы от черепахи убегали? — поддразнил его Торопов.

— Ну, на этот счет здесь не безопасней, — возразил ему Бедфорд. — Помните, какую страшную змею встретили мы вчера?

— А странно будет снова увидеть землю и особенно настоящее земное солнце после этого палящего ослепительного света, — заговорил опять Торопов. — Мы ведь уже третий месяц путешествуем. Тогда начиналась весна, а теперь уже июль, самый разгар лета. Раньше поздней осени домой, пожалуй, не добраться.

Каждый думал о своем. Белкина волновали другие мысли. «Как-то с машиной? — думал он, вспоминая оставленный аэроплан. — Интересно знать, когда прилетели наши и удалось ли ее починить, или же она до сих пор стоит там на льду».

Вот наконец без особых приключений миновали и тропический лес.

— Смотрите, как места изменились! — радовался Торопов. — Да и свежее стало, идти гораздо легче. Вот уж и деревья пошли знакомые: дубы, вязы, совсем, как у нас в западных губерниях. Ну, товарищи охотники, миновали голодные места! Что, доктор, довольны, вы теперь?

Доктор только смеялся в ответ. Он без устали охотился на разную мелкую дичь: красивых ланей, зайцев и птиц. Голодовка совсем позабылась. Но однажды охота чуть было

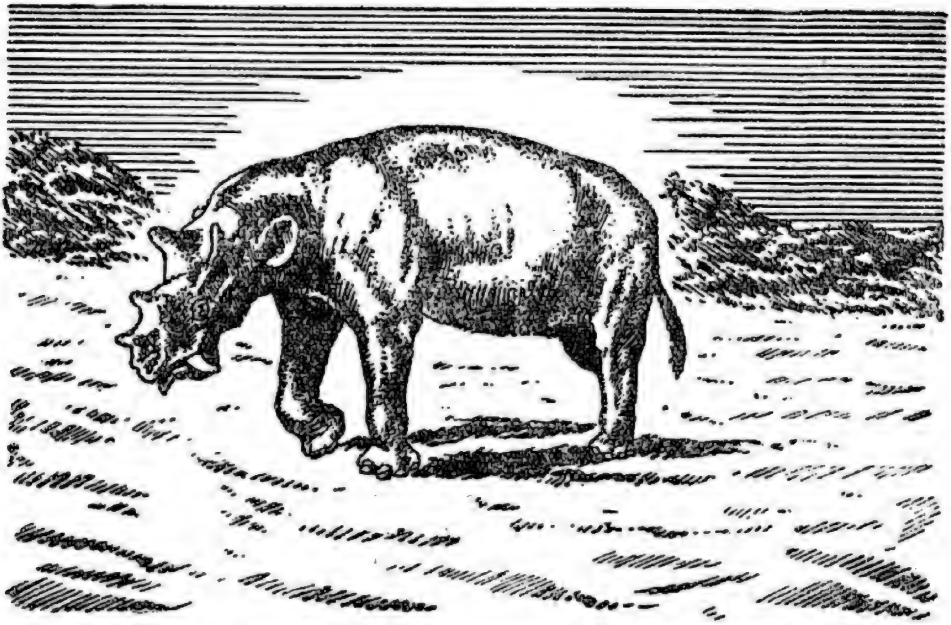


Рис. 15. Носороги развились постепенно из небольших животных.

не кончилась весьма печально. По обыкновению, доктор с Белкиным, отстав от товарищей, решили подстеречь какую-нибудь дичь покрупнее. Они только что встретили стадо оленей, идущих на водопой, и уже приготовились стрелять, как вдруг вожак стада насторожился, видимо, почуяв опасность. За ним встревожились и остальные. Охотники не понимали, в чем дело, но через минуту увидели, что животные испугались недаром: на поляне показался огромный медведь. Олени бросились бежать, но зверь и не думал о погоне; он повел носом во все стороны, повернулся и быстро пошел по направлению к людям. Доктор с Белкиным испуганно переглянулись: они не рассчитывали на такую встречу и боялись, что ружья заряжены слишком легкой пулей. Бежать было поздно — зверь мог нагнать их. Оставалось одно — подпустить его поближе и сразу выстрелить из двух ружей. Медведь был уже близко.

— Стреляйте! — прошептал Белкин и спустил курок.

Раздался выстрел, но, к удивлению и ужасу охотников, только один, а не два: ружье летчика дало осечку.

«Пропали!» — подумал он и увидел, как какая-то темная масса двинулась прямо на них.

Снова раздался выстрел, кусты затрещали, что-то больно ударило Белкина по голове, и оп потерял сознание. Очнулся он в палатке и сначала никак не мог понять, что случилось. Милое личико Кати с беспокойством склонилось. над ним.

— Пришел в себя, значит, жив будет, — раздалась рядом английская речь.

Летчик хотел повернуть голову, но почему-то не мог, ему стало очень больно, и он тихо застонал. Доктор Флит, Глинский и Торопов подошли к нему. Он снова открыл глаза и спросил, что все это значит.

— Ничего, Андрей Григорьевич, — шутливо отозвался Торопов,—мишка вас немного погладил по голове. К счастью, он лишь слегка ободрал ваш череп да немного ушиб вас. Могло кончиться гораздо хуже.

Тут он все вспомнил. Охотник заговорил в нем, несмотря на слабость.

— Где же он, где? ушел? — спрашивал он в волнении.

— Нет, не ушел, доктор заколол его, — ответил Глинский. — Ваше счастье, что он такой сильный, ему пришлось-таки побороться с медведем.

Оказалось, что доктор Флит убил медведя своим большим охотничьим ножом.

— Ну и велик же он! — восхищался Торопов. — Вот поправитесь, так увидите.

Болезнь Белкина заставила всех задержаться на несколько дней. Однако летчик поправлялся быстро и на пятый день мог уже идти вперед, хотя и с забинтованной головой. Он долго любовался великолепной шкурой зверя, говоря, что никогда не видал такого огромного медведя.

— Так ведь это не простой медведь, а «пещерный», — объяснил ему Глинский. — Видите, какой он огромный! Это тоже очень древний зверь. Такие давным-давно вымерли.

Это приключение еще более сблизило Белкина с Катей: она так заботливо ухаживала за ним, так беспокоилась, когда ему было хуже. Наконец рана совсем зажила, и только несколько шрамов осталось на голове летчика.

— Это — память о нашем путешествии, — часто шутил он, вспоминая о неудачной охоте.

По дороге опять встретились с «махайродом» и наблюдали за его охотой. На этот раз страшный зверь преследовал стадо коз и так был занят погоней, что даже не заметил людей. Попались снова и мастодонты; завидев этих огромных животных, доктор Флит не выдержал и решил во что бы то ни стало достать себе клыки одного из них. Белкин был еще слаб и американцу пришлось охотиться одному. Товарищи слышали несколько выстрелов, затем страшный топот и треск, а через несколько минут доктор явился перед ними очень грустный и недовольный. Оказалось, что ему удалось лишь слегка ранить молодого мастодонта, который от боли бросился бежать и чуть было не растоптал его.

Через несколько дней лес кончился; попадались лишь небольшие перелески, остальное же время шли по степи,

только теперь уже не зеленой и цветущей, а пожелтевшей и поблекшей. Как-то вечером путники расположились на ночевку неподалеку от небольшого ручейка. Белкин взял дорожную фляжку и пошел зачерпнуть воды. Через несколько минут он вернулся сильно взволнованный и сказал, обращаясь к товарищам:

—Там, у ручья, я видел человеческий след!

—След? Какой след?

—Да может ли это быть! —вскричал Глинский и тотчас же бросился к ручью.

Бедфорд и Торопов последовали за ним.

В самом деле, на влажной земле виднелся ясный отпечаток босой человеческой ноги. Зоолог долго его разглядывал и наконец сказал:

— Если это человек, то, во всяком случае, мало похожий на нас, это скорее след обезьяны, а не человека. Хотелось бы мне повидать это творение. Вдруг, на счастье, мы встретимся с ним!

Весь этот вечер прошел в разговорах о возможной встрече с существом, след которого отпечатался на мокрой земле. Глинский долго не мог успокоиться и рассказывал Белкину о когда-то живших людях, которые охотились на мамонтов и диких лошадей и более походили на обезьян, чем на теперешнего человека.

—Этот след, однако же, не может принадлежать такому человеку. Если даже здесь и обитают люди, то, по-моему мнению, они еще древнее и еще больше похожи на обезьян, —закончил он свой рассказ.

Но ожидание зоолога оказалось напрасным. Им так и не удалось повстречаться с этим странным человеком.

— Узнаете места? — спрашивал Бедфорд, указывая на видневшиеся вдали холмы. — Помните, неподалеку отсюда мы встретили мамонтов? Теперь уже недолго, еще несколько дней и мы встретимся с нашими. Все ли у них благополучно? Как они прожили эти месяцы без нас?

Стало заметно холоднее; небо часто заволакивалось тучами; приближение полярной страны чувствовалось во всем.

Однажды утром все с удивлением увидели, что ночью выпал первый снег и покрыл землю красивым белым ковром.

— Ничего нет удивительного, ведь уже конец сентября, — говорил товарищам Торопов. — А правда, странно вспомнить, что только два месяца назад мы изнывали от жары и путешествовали по тропическому лесу?

— А все-таки нам удалось повидать много удивительного и интересного, — сказал Глинский, вспоминая пройденные места. — Кстати, профессор, мы так до сих пор и не знаем, каким образом вам стало известно, что можно попасть сюда? Кто мог бы подумать, что можно спуститься внутрь земли!

— Подождите, теперь уже недолго, скоро все узнаете, — отвечал ему американец: — я все объясню вам, как только мы дойдем до наших.

К вечеру выпавший снег растаял, снова потеплело, накрапывал мелкий осенний дождик. Впереди расстилалась унылая равнина, кое-где поросшая невысокими кустами, а вдали виднелись холмы.

— У этих холмов мы встретили мамонтов, — вспомнил Белкин. — Как я тогда удивился, никак не мог понять, откуда они взялись.

— Дядя не сказал никому из нас, что мы спустились внутрь земли, — сказала Катя. — Я помню, как мы все время катились куда-то вниз, даже лыжи трудно было удержать, мне казалось, что мы катились в какую-то пропасть.

— Да, многое можно будет порассказать о нашем путешествии! — задумчиво произнес Глинский. — По приезде в СССР я постараюсь, чтобы была снаряжена новая экспедиция и обязательно опять отправлюсь сюда.

— Вам, видно, еще мало, Дмитрий Николаевич, — смеясь, заметил Торопов, — верно, хочется опять встретиться с хищной черепахой?

— А разве вы не поедете, если будет новая экспедиция? — спросил его зоолог. — Подумайте, как много интересного можно здесь добыть для наших научных музеев! У меня уже сейчас есть шкура «махайрода», его клыки и другие

сокровища!

— Нет, с меня довольно, я на все уже насмотрелся, пусть едут другие. Да меня и жена не отпустит, если узнает о всех чудовищах и зверях, которых мы здесь повстречали, — ответил Торопов, сильно соскучившийся по семье за время долгого путешествия.

Так за беседой время шло быстро, и путники не заметили, как подошли к холмам.

— Смотрите, вон и мамонты! — вскричала Катя, указывая на видневшиеся налево огромные туши. — Тут, должно быть, любимое их место, мы в прошлый раз тоже здесь их встретили.

В последний раз полюбовавшись на огромных животных, снова пустились в путь и к вечеру наконец дошли до следующей цепи холмов, где их должны были встретить Генри и Джордж.

— Вон и холмы виднеются, а вон и палатка наших! — сказал Бедфорд весело.— Они, верно, заметили нас, видите, кто-то идет.

Через несколько минут все радостно здоровались с товарищами. Рассказам не было конца. Генри с Джорджем горько жалели о своей несчастной судьбе и решили обязательно еще раз приехать сюда и самим повидать страшных зверей.

— Мы здесь также видали мамонтов, — рассказывал Генри, — и никак не могли понять, откуда они взялись. Видели также северных оленей и не раз охотились на них. Без охоты мы бы пропали, тоска была страшная, особенно последнее время.

День прошел необыкновенно весело и радостно. Только Генри, такой веселый вначале, снова загрустил и не принимал участия в общих разговорах. Бедфорд все рассказал ему, и молодой человек еще не мог оправиться от неожиданного горя. Он давно любил Катю и часто собирался сказать ей об этом, но ее дружеское обращение всегда останавливало его. «Я для нее только брат, — часто думал он, вспоминая детские годы, — она никогда меня не полюбит!»

И вот теперь это сбылось: незнакомый русский будет ее мужем, она никогда не вернется в Америку, ее ждет новая жизнь!

За ночь подсыпало снегу, утром подморозило, установился хороший лыжный ход, отъевшиеся собаки бежали быстро и ровно. Все чаще и чаще попадались льды, но пока еще не было тяжелых переходов. Но вот начался крутой подъем. Пришлось снять лыжи и кое-как карабкаться вверх. Особенно доставалось собакам: бедные животные с трудом тащили тяжелые нарты; доктор Флит, Белкин, Генри с Джорджем взялись за упряжку и всячески помогали им. Так бились они целые сутки. Наконец остался только один тяжелый переход.

— Легко было катиться, да не так легко выбираться отсюда, — сказал Белкин, изнемогая от усталости, — придется нам здесь заночевать, собаки не в силах бежать дальше.

Так и сделали. Ночью поднялась метель, ветер крутил снежные хлопья и заносил нарты. Собаки беспокоились и жалобно подвывали.

— Невеселая сегодня ночь! — говорил Торопов. — Холодно, метет, невольно вспомнишь город, теплую квартиру. В такую погоду хорошо сидеть дома!

К счастью, утром метель поутихла, и ветер не так уже бешено крутил снег. Откопав занесенные нарты и накормив собак, снова отправились дальше. Последний переход оказался особенно трудным.

— Здесь как будто не было столько льда, когда мы спускались сюда, — с удивлением сказал Торопов. — Странно, неужели за эти летние месяцы намерзли новые ледяные горы?

С трудом протащив нарты через ледяные ущелья, путешественники выбрались наконец на открытое место. До океана оставалось всего каких-нибудь три версты. Ветер совсем утих, разъяснило, и вдруг все озарилось солнечным светом.

— Солнце, настоящее солнце! — радостно вскричал Белкин.

Всем приятно было увидеть на небе настоящее земное солнце, правда, совсем нежаркое в этой местности, но всем знакомое и родное.

— Как легко дышится здесь! — обратился к товарищам Глинский. —Только теперь, совершенно выбравшись из этой дыры, поймешь, что такое настоящий свежий воздух. Там внутри все время что-то давит и не дает свободно дышать.

Остальную часть пути прошли очень быстро: собаки бодро бежали по гладкому, запорошенному снегом льду, люди не отставали от них.

— Вот здесь мы оставили наш самолет! — вспомнил Белкин, когда путники миновали последние ледяные скалы. — Интересно знать, что-то думают о нас в России, наверно, считают погибшими?'

— Почему же? — спросил его Бедфорд. — Ведь ваши товарищи знают, что вы отправились с нами.

— Да, правда, мы ведь сказали, что недолго пробудем здесь, а теперь прошло уж четыре месяца.

— Ну, профессор, теперь вы должны все объяснить нам, — обратился к американцу Торопов, когда вся компания расположилась на отдых посреди неоглядного ледяного поля.

— Хорошо, — согласился тот, — послушайте, если не скучно. Вы, вероятно, знаете, — обратился он к русским, — что некоторые ученые, жившие еще в древности, были уверены, что земля внутри пуста и наполнена воздухом. Позднее, даже в наше время, из-за этого велись большие споры. Я сам долго работал и много думал об этом. Наконец, полгода назад я убедился, что внутри земли, кроме твердой массы, разных металлов, действительно должен быть воздух, а может быть, и жизнь, то есть там могут быть растения и животные. Вы знаете, что на нашу землю падают иногда метеориты?[1]. Вот я и предположил, что такой метеорит, конечно огромных размеров, упал и пробил отвер-

[1] Каменные или железные массы, падающие на землю из небесного пространства.

стие, которое ведет внутрь земли. У нас в Северной Америке есть глубокая впадина, вероятно, пробитая таким метеоритом. Летя по воздуху, метеорит должен был страшно раскалиться; внутри земли, наверное, было очень жарко, так как там в то время еще не было настоящего воздуха, а все было наполнено раскаленными парами. Там метеорит расплавился и смешался с раскаленными парами, наполнявшими внутренность земли. Вот откуда этот ослепительный свет, который мы видели в продолжение последних месяцев.

Я, конечно, не знал, где может находиться отверстие, ведущее внутрь. До сих пор оно не было открыто, и вот я решил, что искать его надо в далеких полярных странах, где еще не бывали люди. Я до сих пор никому еще не рассказывал об этом. Вы первые слышите об этой тайне. Теперь мы все убедились, что я был прав и что внутри земли действительно существует жизнь. Вы помните мамонтов, махайродов и других огромных животных, виденных нами в этой удивительной стране; помните, что чем дальше мы шли, тем чаще попадались нам разные давно вымершие звери. Ведь эти громадные звери и черепахи жили на земле много миллионов лет назад. Что же все это значит? Каким образом попали все эти животные внутрь земли и как могли они сохраниться там? Я думаю, что смогу объяснить вам это. Метеорит упал на землю очень, очень давно. В то время наши моря и озера также кишели всякими чудовищами, а на суше бродили страшные сухопутные крокодилы. Вот все эти чудовища и переселились тогда понемногу внутрь земли. Климат там жаркий и им живется привольно.

Но у нас на земле происходили перемены: стало много холоднее, многие животные вымерли, а на смену им возникли другие. Эти новые животные также попали внутрь земли; таким образом, там можно встретить разных зверей, живших раньше на поверхности земли. Холодные ветры, дующие здесь, попадали внутрь, но не могли проникнуть очень далеко, поэтому холодно только вблизи отверстия, а чем дальше, тем теплее. Было время, когда значительная

часть земли была покрыта льдом почти круглый год. Иногда он таял, и некоторые места покрывались травой и зеленью, иногда снова становился толще и покрывал целые страны. Так продолжалось несколько сот тысяч лет. В это холодное время в наших местах могли кормиться лишь такие животные, как мамонт, шерстистый сибирский носорог и другие звери, не боящиеся холода. Наконец лед на земле растаял, снова потеплело, но здесь, где мы находимся сейчас, он остался лежать навсегда. Льды загородили проход, и никто не знал о существовании отверстия, по которому мы спустились внутрь. Мы, наверное, также не попали бы сюда, если бы я случайно не увидел белых медведей на скалах. Ну, теперь я все сказал вам, надеюсь, что наше путешествие окончится благополучно и что в недалеком будущем мы снова сможем отправиться сюда.

— Теперь я все понимаю, — сказал Глинский, — и обязательно опять поеду сюда. Мы с Борисом Петровичем постараемся об отправке новой экспедиции не позднее будущей весны.

Поговорив еще немного, снова покатили вперед.

Бедфорд предложил русским вместе дойти до бухты, где стоял американский корабль, а затем довести их до Мурманска. Так и сделали. Через несколько дней вся компания весело проводила время в теплых каютах «Ледокола», вспоминая интересное путешествие в подземную страну.

Доехав до Мурманска, пришлось разделиться. Тяжело было Кате расставаться с приемным отцом. Да и ему было не легче. Генри также сильно грустил и всю дорогу не говорил с ней ни слова. Зато русские весело возвращались домой. Глинский с Тороповым мечтали о новом путешествии, а Белкин был так полон своим счастьем, что даже позабыл написать товарищам о своем возвращении.

— Пишите мне обо всем, Дмитрий Николаевич! Как только я узнаю, что вы опять отправляетесь на север, я тотчас же займусь снаряжением новой экспедиции. Мы условимся встретиться в Мурманске и дальше поедем уже вместе, — говорил, прощаясь, старый профессор.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

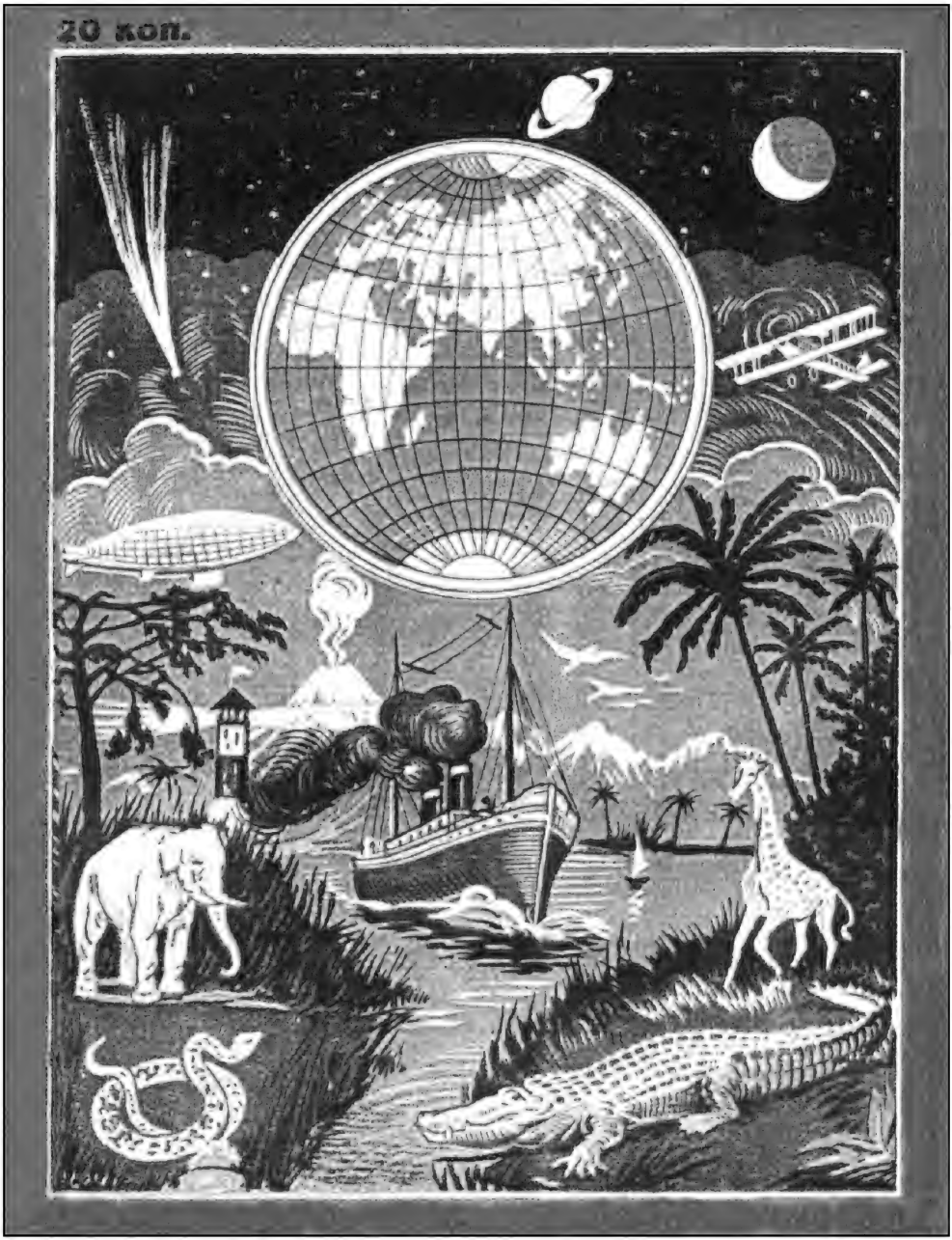
Быстро прошла зима. Был снова май, когда новая русская экспедиция прибыла в Мурманск.

Из знакомых нам людей поехал только Глинский, остальные же отказались принять участие в опасном путешествии. Не было также и американцев. Так и не удалось старому ученому еще раз побывать в открытой им подземной стране: Бедфорд умер за три месяца до отправки новой экспедиции. Все его бумаги, чертежи и планы остались у его жены, а она передала их Генри, который должен был отправиться на север вместо умершего дяди.

Незадолго до отправки Генри, забрав все бумаги, поехал навестить своего друга Джорджа, надеясь уговорить его принять участие в путешествии. Курьерский поезд, в котором он ехал, потерпел ужасное крушение, слетев под откос на всем ходу. Большинство пассажиров погибло; та же участь постигла и бедного Генри: он был задавлен упавшим вагоном. С ним вместе погибли и бумаги. Никто не мог сказать, куда они девались, но при умершем их не оказалось. Все вычисления и планы Бедфорда исчезли бесследно, и экспедиция не состоялась.

Русским пришлось ехать наудачу. Добравшись до 79 градуса северной широты, они пошли по компасу на север и так же, как и в первый раз, наткнулись на ледяные скалы. Глинский был уверен, что не ошибся и все время говорил, что узнает место.

Снова пришлось пробираться через сплошные ледяные горы, но на этот раз их оказалось много больше. Путешественники выбились из сил, прокладывая проходы между массами льда, поднимавшимися со всех сторон. Чем дальше шли они, тем труднее становилось пробираться через лед, и вот наконец перед ними выросла огромная ледяная стена, высотою в несколько метров. Как ни мучились они, стена не поддавалась. Сплошные льды загородили проход в подземную страну и скрыли ее от глаз человека.


20 коп.

Кирилл Скалон

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ КИМА

Рисунки автора

К. СКАЛОН

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ КИМА

ВОРОНЕЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО 1941

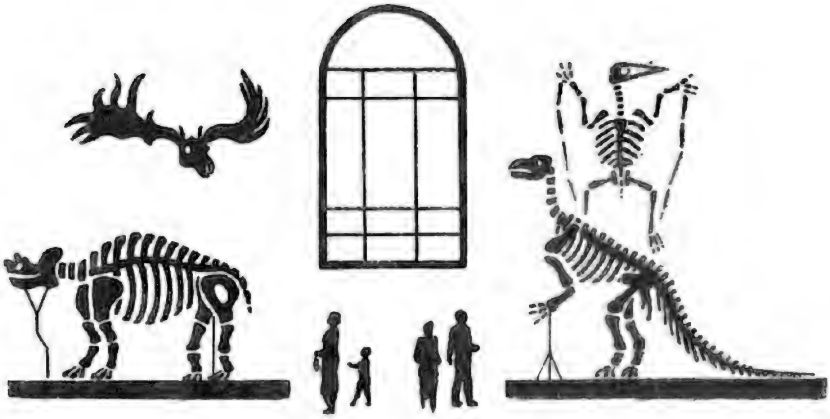
К. СКАЛОН

НЕОБЫКНОВЕННОЕ ПРИКЛЮЧЕНИЕ КИМА

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
РАССКАЗ ДЛЯ ДЕТЕЙ

рисунки автора

ВОРОНЕЖСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО 1941



Пошел раз Ким в палеонтологический музей. Видел там много интересного и даже немножко страшного. Узнал, какая раньше была земля, когда еще на ней и человека не было, какие на земле росли леса и какие в тех лесах жили звери.

Теперь от этих зверей только кости сохранились.

Ученые эти кости из земли вырыли, собрали, приладили одну к другой, и получились целые скелеты разных животных.

И стоят теперь эти скелеты в музеях.

Смотрит Ким и дивится: какие это когда-то жившие звери были громадные! Крупнее, чем слоны. Вот, например, игуанодон. Стоит он на задних лапах и похож на исполинского кенгуру. Своими громадными зубами он мог бы перетереть бревна так же легко, как лошадь сено. А вот — бронтозавр. Длина его 18 метров. Внутри его, как в хорошем хлеву, легко поместилось бы несколько быков.

У бронтозавра — длинная-длинная шея, с маленькой головкой на верхушке. Туловище его оканчивается мощным хвостом и покоится на четырех толстых ногах, способных выдержать на себе всю двадцатитонную тяжесть колоссального тела.

Всех этих зверей называют ящерами, или «динозаврами». Они населяли некогда большую часть земли. Их остатки находят и в Европе, и в Азии, и в Африке. Эпоха, в которую они жили, называется «мезозойской эрой».

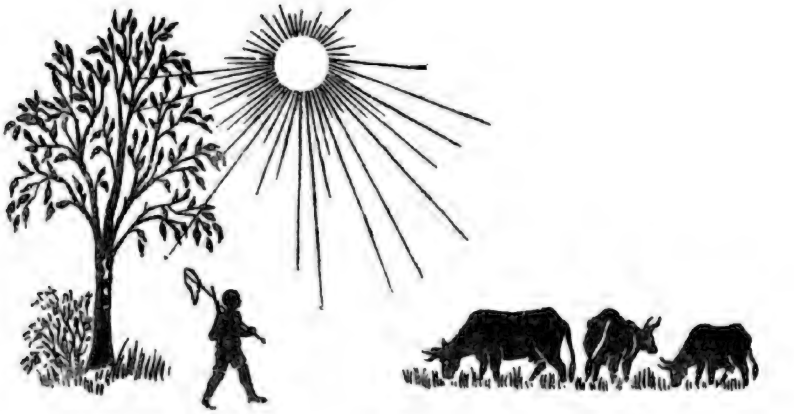
Одни динозавры были травоядными животными, другие же — страшными хищниками. Многие из них ходили, подобно птицам, на двух ногах.

Были и такие ящеры, которые летали по воздуху, как гигантские летучие мыши. Они назывались птеродактилями.

В водах древних морей обитали не менее страшные чудовища — рыбо-ящеры: плезиозавры и ихтиозавры. Их скелеты и рисунки также увидел Ким в музее.

Очень понравился Киму палеонтологический музей! Идет он домой и все думает, как бы хорошо было увидать всех этих зверей, но только не в виде скелетов на подставках, а живыми!

Дома его ждала радость: папа купил ему ружье. Теперь можно будет стрелять воробьев и бить в саду бутылки!



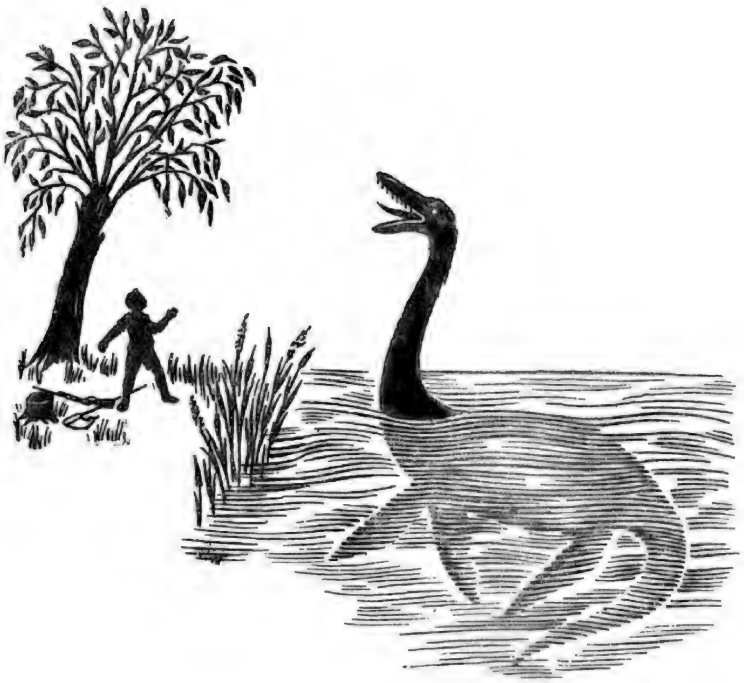
Ким пошел за город поохотиться. Долго бродил по полям, по лесу, наконец, подошел к речному берегу. Река блестит, как зеркало, и в ней отражается небо с белыми облаками.

Прилег Ким на травку, вытащил завтрак, который дала ему на дорогу мать. Жарко! А от реки веет приятный холо-

док... На тоненькой ветке, над самой водою, увидел он зимородка. Тот сидел и высматривал в воде рыбешку.

Вдруг зимородок испуганно пискнул и, пулей сорвавшись с ветки, полетел над рекою, блестя своими голубыми и алыми перьями.

А вода под ивой вскипела, пошла крупной волной, и в нескольких шагах от Кима вынырнула огромная змеиная шея, а на ней вертелась утиная голова с глупыми глазами величиной с блюдце, и с зубами, способными, казалось, сразу откусить полберега...



Мальчик тотчас же узнал зверя — это был плезиозавр.

Ким остолбенел: откуда взялось здесь это чудовище? Каким образом сохранилось оно незамеченным до сих пор? Плезиозавр — в речке, недалеко от большого города, где трамваи и театры, заводы и фабрики! Чудеса, да и только!

Но тут плезиозавр вдруг всплеснул своими четырьмя ластами, ударил хвостом и исчез под водой. Только крупной рябью покрылась река, да закачались потревоженные кувшинки...

Ким протер глаза. Показалось, что ли? Или, может быть, сейчас снова вынырнет?

Крепко сжав в руках ружье, Ким осторожно пошел вдоль берега, внимательно всматриваясь в воду.

Но все было спокойно.

У реки, на заливном лугу, паслось стадо коров.

Вдалеке краснели крыши пригородного совхоза.

Все было так обычно, что Ким усмехнулся, почти уверенный в том, что вынырнувшее из воды чудовище только почудилось ему.

Но тут коровы, как по команде, вдруг повернули головы, все — в одну сторону... Но не в сторону Кима, а по направлению к лесу. Затем, взревев и подняв хвосты, они бросились во всю прыть от берега.

Ким не успел опомниться, как увидел выскочившее из камышей что-то большое, полосато-зеленое... Два-три прыжка — и задняя, самая крупная корова с громким мычаньем падает на землю под ударом тяжелой лапы...

Длинные когти зверя мгновенно распарывают ей живот, клыки впиваются в спину, и бедная симменталка, как

мышь в зубах кошки, повисает во рту страшного ископаемого хищника — мегалозавра. Два прыжка — и хищник исчез в лесу со своей добычей.

Нет, это уж не сон, не плод воображенья!

Вот примятая трава, а вот и огромные трехпалые следы, похожие на куриные... Не прячется ли где-нибудь другое такое же чудовище?

Первым движением Кима было вскинуть ружье к плечу и взвести курок... Но что значит пуля, да еще мелкокалиберная, для такой громадины?

Ким остановился в нерешительности. Вдруг сзади, со стороны реки, послышалось громкое бульканье. Ким обернулся. Посредине реки, стоял... бронтозавр! Почти такой же, как его изображают на картинках. Только живой. Он пил воду.

По временам чудовище отрывалось от питья, и высоко подняв свою змеиную шею с крошечной головкой, внимательно осматривалось по сторонам.

Ким заметил, что бронтозавр был весь вымазан в тине. Видимо, гигантский ящер любил поваляться в грязи, подобно нашей свинье. К круглым бокам его пристали болотные растения.

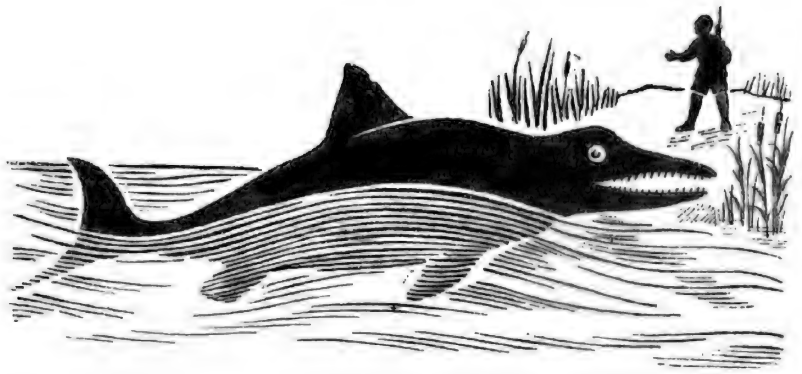
Напившись, бронтозавр сорвал с воды несколько приглянувшихся ему кувшинок с их длинными, похожими на резиновые трубки стеблями, затем медленно повернулся и, волоча длинный хвост, вышел на берег и удалился.

Теперь Ким знает, что ему делать! Прежде всего — надо поскорее сообщить в город о появлении чудовищ.

Для этого надо найти поблизости лодку, переплыть на ту сторону реки, добежать до совхоза и оттуда сообщить обо всем по телефону. В городе узнают и тотчас же устроят облаву. И страшные динозавры попадут в музей или в зоологический сад. Вот-то будет замечательная коллекция!

Разве не интересно добыть животных, живших миллионы лет назад? Какую услугу науке окажет он, Ким Беспалов!

«Ким Беспалов, ученик 8-й средней школы, первый обнаружил в окрестностях нашего города живых ископаемых чудовищ», — так напишут в газетах.



Ким сбежал к реке. Если не попадется лодка, он переберется через реку вплавь. Но вдруг сердце у него ёкнуло. Под водою выросла какая-то длинная тень. Затем вода вспенилась, вверх взлетел столб брызг, и на поверхности реки показался большой треугольный плавник, а затем и голая, блестящая спина.

Еще секунда — и из воды высунулась страшная, зубастая пасть, в десять раз больше и страшнее, чем пасть крокодила. Мелькнула —и скрылась под водой...

То был ихтиозавр, лютый хищник, безжалостный истребитель рыб, чудовище в 12 метров длиною. Нет, пожалуй, ему, Киму, придется отказаться от переправы на тот берег, — в речке что-то много завелось всяких страшных тварей! Не успеешь и на середину выплыть, как проглотят...

Надо поискать помощи где-нибудь поблизости. Наверно, в поле или на лугу он встретит колхозников из пригородных сел.

Вскинув ружье за плечи и часто оглядываясь, Ким запылил по дороге. Благополучно пройдя с полкилометра, он снова увидел чудовищ: впереди паслось стадо рогатых трицератопсов.

«Ну, эти не тронут», — подумал наш герой, видя, как мирно пощипывали они траву. А между тем, звери могли бы внушить большой страх. Представьте себе животное величиной со слона, с крокодильим хвостом и двумя огромными рогами на голове.

Между взрослыми животными ходило несколько детенышей — смешных, пузатых, головастых существ на тоненьких ножках. Но эти «малыши» все- таки были уже с корову...

Вдруг трицератопсы заволновались. Вожак издал тревожный рев, похожий на фабричный гудок, и звери, согнав в середину своих детенышей, двинулись вперед. Оглянувшись, Ким увидел приближающихся большими скачками мегалозавров, один из которых недавно, на глазах у Кима, загрыз на лугу корову.

Присев за кустом, Ким видел, как трицератопсы остановились и, встав вкруг, мордами наружу, выставили вперед свои длинные рога. Звери мычали и грозно трясли тяжелыми головами.

Покрутившись около и, видимо, не рассчитывая прорвать кольцо рогатых голов, мегалозавры с недовольным рычаньем повернули назад и медленными скачками скрылись за лесом.

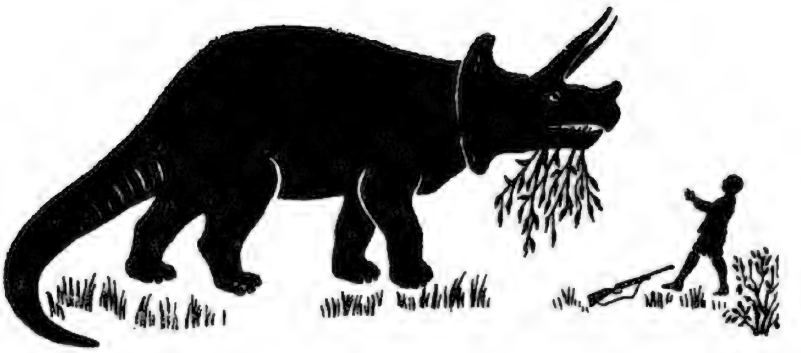
Лишь только исчез из виду последний из хищников, — трицератопсы нарушили свой боевой строй и разошлись по лугу. Ким находился в затруднении: стадо подвигалось прямо на него.

Кругом же, кроме нескольких кустов, не было никакого другого укрытия. Только в некотором отдалении пересекал поле длинный песчаный овраг. Пока Ким колебался — что ему предпринять: оставаться ли в кустах или бежать на виду у стада к оврагу, передние трицератопсы уже зашли вперед, и мальчик очутился окруженным со всех сторон огромными животными.

Вокруг него торчали длинные рога, волочились толстые хвосты, переступали слоновые ноги. Куст, за которым притаился Ким, вдруг затрещал и исчез: один из трицератопсов с аппетитом сжевал его, и наш герой очутился на открытом месте, прямо перед крючковатым, похожим на клюв попугая, носом ящера.

Ким считал себя уже погибшим. Но трицератопс посмотрел на мальчика своими маленькими свиными глазками, добродушно хрюкнул и... занялся травой. Для него мальчик представлял не больше интереса, чем для коровы тушканчик...

Ким с легким сердцем, хотя и соблюдая большую осторожность, выбрался из стада и направился к железнодорожному полотну, обозначенному ровной линией телеграфных столбов.



За поворотом пути он увидел железнодорожную будку. Может быть, там есть люди? Быстро перейдя переезд, он поднялся на крылечко. Толкнул дверь и вошел в комнату. Хозяев не было дома.

Вдруг над головой его послышался какой-то шум. По крыше словно кто-то ходил. Железо гремело. Ким осторожно выглянул из окна и увидел, что из-за угла дома тянется по земле что-то вроде огромной, толстой змеи. Он сразу догадался, что это торчит кончик хвоста какого-то нового чудовища.

Но тут хвост исчез за углом, а вместо него Ким увидел морду, похожую на голову нашей обыкновенной ящерицы, только увеличенную в тысячу раз. За головой начиналась горбатая спина с целым забором вертикально стоящих пластин, вроде огромных петушиных гребней.

Зверь, в котором Ким узнал травоядного стегозавра, опустился на короткие передние лапы и просунул голову в окно. Наличники затрещали. Ким прижался к противоположной стене комнаты.

Зверь пытался протиснуться дальше, но плечи и спинной гребень не позволяли ему влезть в комнату. Ким ощутил на своем лице горячее и кислое дыхание чудовища.

Зверь сопел и принюхивался. Видимо, он хотел поближе познакомиться с Кимом... Но Киму совсем не улыбалось такое знакомство.

Он бросился в сенцы. Поспешно влез в погреб, опустил за собою люк и очутился в темноте. Снаружи слышалось пыхтенье зверя. Стены домика дрожали. Ким услышал, как упал поваленный стол. Видно, ящер поддел его мордой.

Вдруг начался дикий гам: козлиное блеянье вперемешку с хриплым и густым лаем.

Толкаемый любопытством Ким выбрался из погреба.

В это время дом содрогнулся от страшного удара. Будто бросили в стену со всего размаху огромное бревно. Посуда на полке звякнула. Оконные стекла зазвенели. Посыпались осколки.

Подбежав к окну, Ким увидел, как боролись два страшных чудовища. Нападал мегалозавр, защищался стегозавр. Палисадник около сторожки был повален и обращен в груду щепок, кусты акации сломаны, трава втоптана в землю.

Ящеры были почти одинаковой величины, только стегозавр на своих толстых слоновых ногах выглядел погруз-

нее и был не столь поворотлив, как его хищный противник.

По шее стегозавра уже текла кровь. Он злобно блеял, пучил большие глаза, разевал пасть с тупыми зубами, вообще, старался казаться пострашнее.

Его маленькая головка вертелась во все стороны. А враг прыгал вокруг, стараясь подскочить ближе и поранить стегозавра зубами и когтями.

Вот мегалозавр снова прыгнул. В тот же момент стегозавр припал на свои короткие передние лапы. Спина его выгнулась горбом, как у рассерженной кошки.

Хвост, вооруженный четырьмя парами роговых шипов, взметнулся в воздух навстречу нападающему.

Мегалозавр не успел увернуться, и шипы, как острые грабли, процарапали на теле хищника длинную и глубокую рану. Мегалозавр взвыл от боли и, забыв всякую осторожность, бросился напролом.

Но стегозавр подставил ему свой острый зубчатый горб и в то же мгновение нанес хищнику еще более страшный удар под самое брюхо.

Смертельно раненый хищник взревел и заковылял в сторону от места боя. Отойдя немного, он свалился. Стегозавр с минуту постоял на месте, повертел во все стороны своей маленькой головкой, торжествующе проблеял, а затем, перебрался через железнодорожное полотно и скрылся за выемкой.

В этот момент Ким услышал, как скрипнули ступеньки крылечка. Кто-то хлопнул дверью. Мальчик вспомнил, что забыл накинуть крючок, и замер в испуге, ища глазами, куда бы спрятаться.

Но в комнату вместо чудовища шагнул человек. У его пояса висел футляр для флажков. Это был дорожный сторож.

Заикаясь от волнения, Ким начал было рассказывать ему о случившемся.

—Знаем уже, —спокойно отвечал сторож.

И он сообщил, что еще утром, увидав зверей, он отправил жену и ребят с ремонтным поездом в город, а сам остался на посту.

—Поезда-то ведь надо встречать!

—А как же с обходом пути? —спросил Ким. —Динозавры-то ведь ходят!

—Ходят, оно, конечно! —согласился сторож. —Так я и берегусь. Увижу какую зверюгу — в канаве отсиживаюсь, под щитами прячусь, за кустиком хоронюсь. Путь беречь надо! Ну, да скоро их изловят всех.

Оба вышли на крыльцо.

—Слышишь?—сказал сторож.

Ким прислушался. За поворотом дороги нарастал шум. Через минуту ясно донесся металлический лязг и звон, и из-за выемки полотна показалась колонна тракторов. Стальные машины не спеша шли по грунтовой дороге, поднимая за собою клубы густой, серой пыли.

Позади тракторов Ким увидел несколько автомашин, груженных длинными бревнами. Сзади всех двигался паровой гусеничный кран. Вытянув свою ажурную шею, он покачивался над пыльной дорогой, словно высматривая,

что бы зацепить... Не доезжая сторожки, грузовики и тракторы свернули к реке.

Минутой позже к сторожке подъехал еще один автомобиль. В кузове грузовика лежала огромная сеть, сплетенная из толстого каната.

Шофер высунулся из кабинки и окликнул сторожа:

— Ефим Степаныч, ссуди водички!

Сторож вынес ковш холодной колодезной воды.

— На рыбную ловлю собрались? — спросил он шофера.

— Эге, — отозвался тот, подливая воды в радиатор.

Тут Киму стало ясно, зачем везут такую большую сеть. Наверно, ею будут вылавливать из реки рыбо-ящеров. Вот бы посмотреть!

Словно угадав мысли мальчика, Ефим Степанович сказал шоферу:

— Вася, подвези мальца до речки... Пусть поглядит!

— Ну что ж, пусть садится, — ответил шофер. Ким быстро юркнул в кабинку, грузовик покатил по дороге.

Впереди показались какие-то постройки. Блеснула излучина реки.

Переехав новый деревянный мост через широкий овраг, грузовик очутился на главной улице села. Около сельсовета шумела толпа.

— Сеть привезли, сеть привезли! — кричали ребята, обступив машину.

— Где Никанор Тимофеевич?! — крикнул с крыльца председателя сельсовета, — пусть ведет ловецкую бригаду!

— Тут я! — ответил бригадир. — Сейчас идем! Не беспокойся, Василий Васильевич. Всякую рыбу на своем веку лавливали. Небось, выловим и допотопную!

— А тракторы?

— Уж у реки!

Река была близко. Огромную сеть сняли с грузовика и растянули во всю длину. Затем человек двадцать подняли сеть на плечи и понесли к берегу. Тут их ждала большая лодка. Все соблюдали тишину. Ловля предстояла серьезная: «рыбка» была немаленькая!

С противоположного берега просигналили флажками, что ихтиозавр сейчас находится тут, у трех старых ветел, и что зверь не то спит, не то отдыхает.

Три старых ветлы находились совсем близко.

Гребцы сели за весла. Лодка стала выходить на середину реки, таща сеть за собою.

Один конец невода был привязан к стоящему поблизости трактору. Лодка достигла противоположного берега и затем стала двигаться вдоль него, заводя сеть все круче и круче к трем ветлам.

Вот лодка, сделав большой полукруг, снова приблизилась к берегу.

Ловцы выскочили на прибрежный песок и потянули за собой конец невода. Затем этот конец был привязан ко второму трактору.

Никанор Тимофеевич махнул рукой трактористу. Трактор затарахтел мотором и пошел от реки.

Наступил решительный момент. Люди пододвинулись к самому берегу, всматривались в воду. Сеть была уже совсем близко от берега, когда ихтиозавр, видимо, почувствовал какую-то опасность.

Вода под обрывом вспенилась и закрутилась водоворотом.

Невод вдруг сразу натянулся струной, отбросив придерживающих его людей в стороны, тракторы сбавили ход.

— Пускай на первую! — закричал Никанор Тимофеевич. Тракторы заревели во весь голос. Звенья их гусениц глубоко ушли в землю.

Под берегом, среди беспорядочных волн и каскада брызг, мелькал огромный хвост запутавшегося в сети рыбо-ящера; и вот, весь опутанный сетью, ихтиозавр был выволочен на сушу.

Чудовище сразу сделалось беспомощным. Тяжесть собственного тела приковала его к земле. Мокрый и грязный, ихтиозавр лежал, как пласт, лишь изредка раскрывая длинную крокодилью пасть, да пучил свои и без того огромные глаза.

Тут наступило время действовать крану. Тяжелая машина подошла к лежащему на земле чудовищу. Стрела подцепила своим крюком сеть и поволокла невиданную добычу к грузовику. Затем кран вежливо и осторожно уложил ихтиозавра в машину. В кузове грузовика поместилась только часть туловища ихтиозавра, хвост же пришлось растянуть на специальном прицепе.

В это время из села показалась новая партия колхозников с кирками и лопатами.

Во главе колонны шел председельсовета.

— А ну-ка, кто еще поработает?! — крикнул он. — Айда на загон!

Никанор Тимофеевич со своими рыбаками сейчас же присоединился к колонне. Ким отправился вместе с ними.

Не прошло и десяти минут, как они достигли большой поляны, посреди которой стоял частокол из толстых, глубоко врытых в землю столбов.

Постройка загона подходила уже к концу. Рабочие ставили последние столбы.

— Загон на славу, для любых слонов годится, — заметил Никанор Тимофеевич, — только вот как устроить, чтобы зверюги наверняка сюда вошли?

— Загоним, да и все! — сказал один из колхозников.

Председательсовета с сомнением покачал головой.

— По-моему, можно, и очень просто!... — вдруг выпалил Ким. Окружающие обернулись к мальчику. Ким смутился.

— Очень просто? — переспросил председательсовета. — Это любопытно. Каким же образом?

— У вас в колхозе найдутся огурцы, помидоры?— в свою очередь спросил Ким. Председательсовета удивленно поднял брови.

— Ну да! — немножко обиделся наш герой. — Привезите воза три-четыре разной зелени и разбросайте здесь на лугу дорожкой, вон, скажем, от тех кустов и до самых ворот загона и, конечно, внутри ограды. Травоядные динозавры с удовольствием будут есть приманку и, постепенно подвигаясь, войдут сами в загон.

— Вот так малец! — в восхищении воскликнул Никанор Тимофеевич. — Что удумал!

Председательсовета рассмеялся:

— Идет, попробуем!

В эту минуту над загоном показался самолет. Он сбросил вымпел. В донесении предупреждалось о скором появлении стада динозавров. Ящеры уже двигались по направлению загона. Из села приехала машина с грузом огурцов, недозрелых помидоров и зеленых яблок.

Скоро широкая огуречно-помидорная и яблочная дорожка протянулась с луга до самого загона. Внутри загона приманка была разбросана еще более щедро.

Люди разместились в землянке с потолком из бревенчатого наката.

Отсюда, не пугая зверей, можно было вести наблюдение.

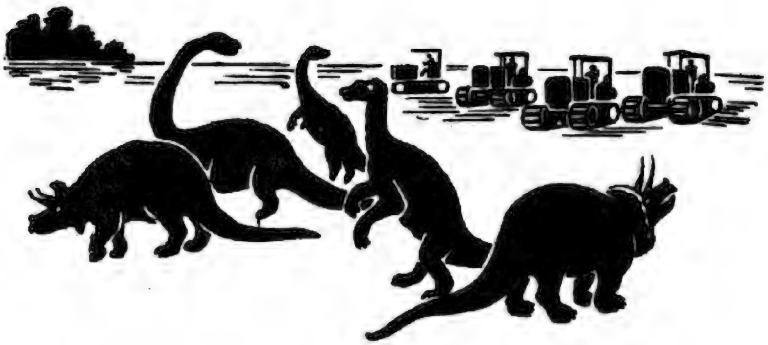
А Ким забрался на старый развесистый клен, удобно устроившись на его толстых сучьях.

Но вот послышался вдали шум моторов, лязг и звон металла.

Иногда к этим звукам примешивалось басистое мычанье, более тонкое блеянье и густой рев. Казалось, приближалось стадо исполинских быков и овец. Сидя на дереве, Ким еще издали увидел картину необыкновенной облавы.

По полю большим полукругом медленно двигались шестнадцать тракторов и несколько пожарных автомобилей.

Впереди машин шло стадо допотопных ящеров, штук шесть-семь трицератопсов, пара стегозавров и бронтозавр.



Вся эта травоядная компания, несмотря на свою огромную величину и устрашающий вид, вела себя довольно спокойно.

Звери понемногу отступали перед напором машин.

Стадо иногда даже останавливалось, чтобы немного попастись, пока слишком громкий шум, лязг и непривычный запах керосина не заставляли животных снова идти дальше.

Если кто-либо из зверей пытался свернуть в сторону, тракторы ускоряли ход, сходились теснее и тем давали понять животным, что путь здесь для них закрыт.

Раза два-три люди пускали в ход пожарные машины, окатывая какого-нибудь хвостатого упрямца мощной струей воды из брандспойта.

Ошарашенный этим зверь отряхивался, как собака, и спешил обратно к стаду.

Однако все же случилось небольшое происшествие. Самый крупный трицератопс сильно отстал от стада, и один

из тракторов слегка придавил ему кончик хвоста своей гусеницей.

Трицератопс взревел, в бешенстве повернулся к трактору, наклонил рога и стал взрывать землю передней ногой. Земля и куски дерна летели во все стороны.

Остальные звери заволновались и тоже остановились, посматривая то на своего товарища, то на трактор, словно выжидая, чем все это кончится.

Но рассерженный трицератопс неожиданно бросился вперед. Люди, наблюдающие со стороны эту сцену, невольно закричали. Трактор был меньше зверя, короче и ниже его.

В следующее мгновенье зверь и машина столкнулись. Трактор зазвенел и содрогнулся от страшного удара... Столкнулся первобытный зверь с машиной, первобытная силища с умом человека...

И машина, управляемая человеком, победила.

Трицератопс упал на колени от силы собственного удара. Один рог его оказался сбитым, вся морда была в крови. Жалобно мыча, он поднялся на ноги и, шатаясь, пошел прочь от машины. Он признал себя побежденным.

Тракторы загудели, загрохотали, и звери более поспешно, чем раньше, двинулись к загону.

Вот стадо уже на лугу, где рассыпаны по траве помидоры, огурцы и яблоки.

Один зверь наклонил голову, почуяв запах съедобного.

Травоядному пришлись по вкусу разбросанные овощи и фрукты. Он облизнулся и стал искать еще... И все трицератопсы с довольным хрюканьем принялись за угощение. Их примеру последовали стегозавры, опустившись для этого на короткие передние лапы. Незаметно для себя стадо все ближе и ближе подходило к воротам загона.

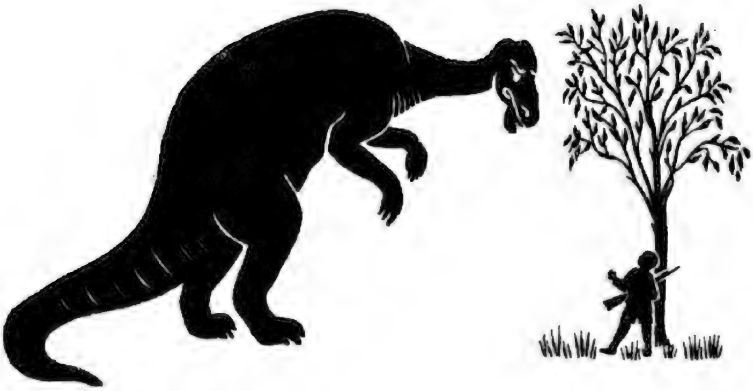
Вот звери уже в воротах. Вот они уже внутри самого загона. Ворота захлопнулись, и звери очутились в плену.

Снова в воздухе загудел мотор. И на луг перед загоном сел самолет. Летчик доложил, что в осиновой роще обнаружен мегалозавр. Это близко, не более трех километ-

ров. Тракторы снялись с места и вереницей пошли к указанному пункту. Самолет ушел в воздух.

Ким решил тоже пройти к осиновой роще. Шел по дороге, среди моря созревающей пшеницы. Усатые колосья наклонялись под дуновеньем слабого ветра... Ничто кругом не напоминало о странных чудовищах.

Он совсем забыл об осторожности. А по шоссе, совсем как давеча, уже бежало с громким ржаньем несколько лошадей; они спасались от преследовавшего их кровожадного хищника.



Вот лошади резко свернули с дороги в поле. Мегалозавр остановился. Бока его вздрагивали. Видно было, что он устал, долго гоняясь за своей добычей. Хищник присел на длинные задние ноги и, опершись на крепкий хвост, замер. Только его свирепая голова медленно поводила носом из стороны в сторону. И вдруг мальчик с ужасом заметил, что налитые кровью глаза чудовища остановились на нем.

Он замер, прижавшись к стволу придорожного дерева. Гигантский зверь снова повел носом, раскрыл страшную пасть, фыркнул и осторожно потянулся к дереву, обнюхивая его ветви. Прямо перед мальчиком мелькнула отвратительная морда допотопного зверя. Между частоколом зубов показался красный язык...

И вот этот язык захватывает нашего героя, как корова захватывает пучок травы...

«Погиб!» — проносится в голове Кима. Но мегалозавр вдруг опускает свою жертву на траву. Стоит и смотрит на лежащего мальчика. Ким чувствует, что он насквозь промок от слюны зверя.

Ким в ужасе закрывает глаза. Но исполинский зверь не трогает его. Он только толкает его в бок. Толкает все сильнее и сильнее и, наконец... говорит человеческим голосом:

— Да вставай же, молодой человек! Ведь уже промок!

Ким вздрагивает и... просыпается!

Перед ним стоит пастух. Недалеко мирно пасутся коровы, видны красные крыши совхоза. Идет мелкий дождик.

— А бронтозавры? — спрашивает Ким.

— Чево?

Ким опомнился: так это был сон!

— Сколько времени?

— Да часов семь...

Ким встает. Промокший костюмчик прилип к телу. Холодно, неприятно. Ким поглядел на реку. Вода пузырится от дождевых струй. Кругом серо.

Но Киму вовсе не грустно. Он вспоминает сон и улыбается.

— Спасибо, что разбудили... а то бы совсем промок! — говорит он на прощанье пастуху.

— Ну как же, — смеется тот, — вижу, человек под дождем спит... Надо же разбудить!

Ким шагает быстро, чтобы согреться.

Дождь перестал. Небо очистилось от туч, и на землю брызнули прощальные лучи заходящего солнца. Над горизонтом встают огромные ворота многоцветной радуги...

...Вот и город. Как красиво блестят под солнцем мокрые крыши его домов! Ким ускоряет шаги, напевает веселую песенку:

— «Мы все узнаем, поймем и откроем,
Мы молодые хозяева земли!»

Приложение

С. Ефимов

«МОРСКИЕ ЗМЕИ»

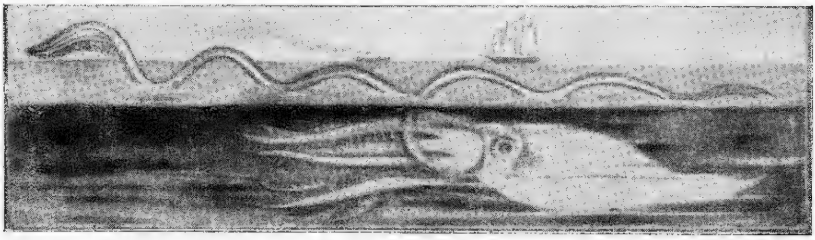
О «морских змеях» разговоры идут уже несколько столетий и до сих пор наука ничего не может сказать об этом и не сможет до тех пор, пока не поместит живую или мертвую морскую злею в аквариуме или в зоологическом музее. Пока же приходится довольствоваться спорными свидетельствами «очевидцев».

Чуть не ежегодно капитаны кораблей, бороздящих Атлантический океан, сообщают о появлявшихся на поверхности моря огромных существах, напоминающих собою гигантских змей, но ни разу подобное существо не было поймано. В настоящее время размеры этих предполагаемых «змей» неуклонно уменьшаются: километры превращаются в сотни метров, сотни — в десятки. Американец д-р Барш полагает, что «морские змеи» — не что иное, как гигантские спруты, осьминоги.

«Это было в 1909 году, — пишет Барш. — Я крейсировал на маленьком ботике у берегов острова Борнео. Море было совершенно спокойно. Вдруг мой помощник вскрикнул от испуга и изумления. Я вперил взор туда же, куда и он, и также замер на месте. На поверхности воды, ясно освещенные тропическим солнцем, извивались петли гигантской змеи. Я схватился за бинокль и убедился, что это была стая дельфинов, выпрыгивавших из воды, как бы догоняя друг друга. Профан или впечатлительный человек, конечно, примет эту вереницу за змею».

Впечатление извивающейся змеи может дать и морское чудовище осьминог. Величина его действительно внушительна. Имеются совершенно точные данные об осьминоге, который обладал телом длиной в 18 фут. и щупальцами в 60 фут. длиной. Может быть, существуют и еще большие экземпляры. Плавая на поверхности моря, шевеля своими щупальцами, гигантский осьминог может сойти вполне за морскую змею.

«Руки» осьминога снабжены присосками, дающими впечатление обросшей волосами морды, за какую и принимались они раньше.



Издали щупальца гигантского осьминога напоминали «морскую змею»...

Дальнейшее подтверждение гипотезы об осьминоге можно видеть в том, что «змею» видят обычно в тех же местах, где живут и осьминоги, — это северные широты Атлантического океана.

Встречу с гигантским осьминогом прекрасно описывает член Лондонской академии наук Эрик Понтокнизан в «Естественной истории Норвегии» в 1755 году. Рассказ идет от лица миссионера Эджеда в Гренландии. «В 1734 г. 6-го июля, — пишет миссионер Эджед, — около нашего бота появилось на поверхности моря страшное чудовище, поднявшее свою голову до высоты наших мачт. Оно имело плоскую морду и брызгало водой, как кит. Тело его, покрытое чешуей, было морщинисто и угловато и задняя часть длинная и тонкая. Вскоре чудовище кувыркнулось в воду, высоко подняв хвост. Погода в этот вечер была очень тихая. Все присутствовавшие при этом зрелище остолбенели. Большинство отметило, что у чудовища было два длинных плавника, толстое тело и узкая голова. Длиной оно было около кабельтова. Говорят, что эта змея имеет прекрасное обоняние и очень не любит бобров, почему моряки и стараются держать у себя на судне этих животных, чтобы не подвергаться нападению такого страшного врага».

Морское чудовище подняло голову до высоты мачты…

В этом рассказе действительность перепутана с вымыслом. Конечно, 100 кабельтов длины — фантазия, плавники — тоже, боязнь бобров — также. Всего вероятнее то, что Эджед и его товарищи видели гигантского осьминога.

Летопись моря засвидетельствовала и в наше время несколько случаев встречи с осьминогами, из которых иные были размерами до 120 футов. Зарегистрированы случаи нападения их на суда, правда лишь тогда, когда они бывали потревожены. Последнее произошло в Португальской бухте «Концепсион». Два вышедшие в море рыбака заметили на поверхности какой-то серый предмет, вроде плавающего паруса или утонувшего остова судна. Подплыв к нему, они ткнули его острогой. Парус вздрогнул, взволновал воду, из воды высунулся громадный, как у попугая, клюв, которым осьминог ударил шлюпку и качнул ее набок. Затем два огромных щупальца выбросились из воды и стали обвивать шлюпку. Один из рыбаков схватил топор и стал рубить их, после чего животное поспешно нырнуло в глубину. Отрубленное щупальце рыбаки привезли на берег и

оно попало в музей Сен-Джонса. Длина его равнялась 19 футам, цвет был бледно-розовый; оно было очень крепко и гибко.

Мировую известность в литературе имеет прекрасное описание борьбы человека с исполинским фантастическим осьминогом в романе Виктора Гюго — «Труженики моря».

Комментарии

С. Колбасьев. Интервью о морском змее

Впервые: *Вокруг света (Л.),* 1930, № 24-25, 7 сентября.

С. А. Колбасьев (1899-1937/8 или 1942) – военный моряк, поэт, писатель-маринист, дипломат. С детства владел рядом европейских языков. Выпускник Морского кадетского корпуса, участник Первой мировой и Гражданской войн. В начале 1920-х гг. – участник литературной группы «Островитяне». Работал в издательстве «Всемирная литература», переводчиком в советских дипмиссиях в Афганистане и Финляндии. Отличался разносторонними интересами и дарованиями (моделист, радиолюбитель-изобретатель, энтузиаст джаза). В 1931-32 гг. проходил стажировку как штурман, позднее флаг-связист дивизиона эсминцев, в 1937 г. получил звание интенданта 3-го ранга. Автор сб. стихов «Открытое море» (1922), романа-игры «Факультет кругосветного путешествия» (1926), повестей, рассказов и др. произведений. Был арестован в апреле 1937. Сведения о его гибели противоречивы (от расстрела до смерти от холода на лесоповале).

С. 9. *...командовал канонеркой в Сайгоне* – Канонеркой во время Гражданской войны командовал сам автор; с нынешним Вьетнамом связаны эпизоды службы таких чрезвычайно популярных в России в 1910-20-х гг. авторов, как французские писатели-моряки П. Лоти и К. Фаррер.

С. 12. *...Как раз у Киплинга морские змеи сделаны плезиозаврами и слепыми, выбрасываются на поверхность каким-то подводным вулканом и сразу же дохнут* – Речь идет о рассказе Р. Киплинга «A Matter of Fact» (1892).

С. 12. *...де-Вэр Стэкпула* – Генри Де Вер Стэкпул (1863-1951) – плодовитый ирландский автор, писавший приключенческие романы, триллеры, детективы, фантастические и научно-фантастические произведения. Наибольший успех выпал на долю его неоднократно экранизированной кн. «Голубая лагуна» (1908). Более

40 лет Стэкпул прослужил судовым врачом и отлично знал природу и нравы туземцев на островах южной части Тихого океана, которые часто описывал в своих книгах. Перевод его рассказа о морском змее «Из глубины глубин» был опубликован в журн. *Всемирный следопыт* в 1926 г. (см. нашу антологию «Пещера чудовищ», 2013).

Э. Батенин. Морской змей мистера Уолша

Впервые в авторском сб. *Авантюрные рассказы* (М.: Изд. автора, 1929) под псевдонимом «Эр. Батени».

Э. С. Батенин (1883-1937) – офицер-кавалергард, позднее советский научный работник, военный специалист, литератор. Наиболее известен как автор приключенческого романа «Бриллиант Кон-и-Гута» (1926, 1928). После второго ареста в 1935 г. был приговорен к пятилетнему заключению на Соловках, в 1937 г. последовал смертный приговор и расстрел.

С. 24. *Древний норвежский писатель Олай Магнус* – Шведский писатель, церковный деятель, картограф Олаф Магнус (1490-1557) лишь путешествовал по Норвегии. Описал морского змея в своем знаменитом труде *Historia de gentibus septentrionalibus* («История северных народов», 1955).

С. 27. *О чем кричат и знают петухи...* – Цитируется стих. М. Кузмина «О чем кричат и знают петухи...» (1924).

С. 38. *Американская экспедиция 1924 года в Монголии, нашедшая двадцатисантиметровые яйца* – Речь идет о первой находке яиц динозавров (овираптора) экспедицией под руководством Р. Ч. Эндрюса (1884-1960); эта находка была сделана, однако, летом 1923 г.

С. 41. *Вашему соотечественнику, господину Бергу, так яростно напавшему на Дарвина...* – Речь идет о русском и советском биологе и географе Л. С. Берге (1876-1950), авторе антидарвинистической концепции «номогенеза».

С. 47. *A chacun sa part* – Каждому свое (*фр.*).

С. 55. *Femina, altum sapere noli* – Женщина, не возгордись (*лат.*). В изречении обыгрывается им героини, которое, соответственно, можно понять как «Гордячка».

Л. Опочинина. Путешествие внутрь Земли

Впервые отдельным изд. (М.-Л., Государственное издательство. 1929).

Л. Е. Опочинина (ок. 1900? – после 1937) – писательница, популяризатор науки. В конце 20-х годов училась в аспирантуре Тимирязевского (Биологического) института АН СССР в Москве. В 1920-х гг. опубликовала ряд научно-популярных книг, частью оформленных как небольшие научно-фантастические повести.

К. Скалон. Необыкновенное приключение Кима

Впервые отдельным изд. (Воронеж, Воронежское областное кнво, 1941).

Биография автора точно не установлена. Наиболее вероятный кандидат К. Скалон (ок. 1920 – после 1957), инвалид от рождения, участник воронежского литкружка, живший после Второй мировой войны во Львове в доме инвалидов.

С. Ефимов. «Морские змеи»

Впервые: *Вокруг света (Л.),* 1930, № 21-22, 7 августа.

_____

Все включенные в книгу произведения публикуются по первоизданиям с исправлением некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Оглавление

С. Колбасьев. Интервью о морском змее 7

Э. Батенин. Морской змей мистера Уолша 13

Л. Опочинина. Путешествие внутрь Земли 56

К. Скалон. Необыкновенное приключение Кима 121

Приложение

С. Ефимов. «Морские змеи» 146

К о м м е н т а р и и 150

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.